

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
Санкт-Петербургский государственный университет

Тюхтина Анастасия Александровна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА НА ТЕМУ:
События истории Монголии XVIII в. в летописи халхаского историка
Галдана «Эрдэнийн эрхэ»

Образовательная программа «Востоковедение и африканистика»

Направление «Востоковедение и африканистика»

Профиль: история Монголии

Научный руководитель:

Попов Антон Владимирович
доцент,
кандидат исторических наук

Рецензент:

Успенский Владимир Леонидович
профессор,
доктор исторических наук

Санкт-Петербург
2018

Оглавление

Введение	3
Глава I. Списки «Эрдэнийн эрихэ» (обзор историографии)	9
Глава II. Летопись «Эрдэнийн эрихэ» в исследованиях отечественных и зарубежных авторов	20
Глава III. Восстания Амурсаны и Чингунжава в летописи «Эрдэнийн эрихэ»	33
Глава IV. События, связанные с историей крепости Кобдо, в летописи «Эрдэнийн эрихэ»	62
Заключение	74
Приложение А	77
Приложение В	81
Список использованных источников и литературы	89

Введение

Среди монгольских исторических сочинений XIX в. летопись «Эрдэнийн эрихэ» («Драгоценные четки»), принадлежащая кисти халхаского историка Галдана, занимает особое место. В Монголии в середине и второй половине XIX это сочинение приобрело широкую известность и популярность. Вместе с тем, значение «Эрдэнийн эрихэ» в истории монгольской культуры не исчерпывается тем, что эта летопись стала одним из важнейших явлений духовной жизни только лишь в период ее создания. Мировоззрение Галдана и свойственные ему принципы подхода к освещению исторических явлений в немалой степени повлияли на последующее развитие традиций монгольского историописания [Fletcher, 1962-1963].

Автор летописи «Эрдэнийн эрихэ» Галдан был рожден в Тушетуханском аймаке Северной Монголии в 1795 г. [Позднеев, 1883:X]. Он происходил из невладетельного знатного рода, представители которого обладали низшим аристократическим титулом тайджи. Начав с юного возраста выполнять обязанности письмоводителя в канцелярии старшины сейма и в хошунной управе, Галдан на протяжении своей жизни много лет служил на разных гражданских и военных чиновных должностях. В частности, с 1835 по 1855 г. он был помощником управляющего хошуном туше-гуна Балдар-Доржи (1835-1875) [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006:3-4]. Даже среди грамотных монгольских чиновников Галдан выделялся своими глубокими и разносторонними познаниями. Он владел монгольским, маньчжурским и тибетским языками и слыл среди своих современников весьма образованным человеком. Главный литературный труд всей его жизни - историческое сочинение, названное им «Эрдэнийн эрихэ» («Драгоценные четки»), Галдан начал писать в начале 20-х гг. XIX в. Работа над составлением этой летописи продолжалась без малого два десятилетия и была завершена в 1841 г. [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006:4; Балданжапов, Ванчикова, 2012:58] Неизвестно, сколько лет было Галдану, когда он умер. В исторической

литературе встречается версия о том, что он отошел в мир иной около 1880 г. в весьма почтенном возрасте [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006:4].

История изучения «Драгоценных четок» Галдана ведет начало с 80-х гг. XIX в., когда российский востоковед А.М. Позднеев перевел на русский язык и издал часть текста «Эрдэнийн эрихэ» (с 41-й по 46-ю главу), описывающую столетний период истории Монголии с 1636 по 1736 г., предпослав изданию введение и подробный комментарий [Позднеев, 1883]. Впрочем, А.М. Позднеев был далеко не единственным исследователем, обратившимся к изучению «Эрдэнийн эрихэ», и исследование летописи, начатое в XIX в., не прекращается и до сих пор. В числе отечественных и зарубежных исследователей, посвятивших свои труды изучению и публикации текста «Эрдэнийн эрихэ», анализу источникового фундамента этой летописи, исследованию стилистики и морфологии ее текста, описанию биографии ее автора следует назвать Н.И. Веселовского [Веселовский, 1884], Б.Я. Владимирцова [Владимирцов, 1934], Х. Пэрлээ [Пэрлээ, 1958], Ц. Насанбалжира [Насанбалжир, 1960], Дж. Флэтчера [Fletcher, 1962-1963], О. Хироки [Хироки, 1999], Ардаажавы [Ардаажав, 1999], Ж. Гэрэлбадрахы, Д. Бүдсүрэна и П. Бямбахорола [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006].

В 1956 г. отечественный ученый П. Б. Балданжапов (1921-1991) выполнил исследование и перевод рассматриваемого нами монгольского исторического сочинения в качестве кандидатской диссертации в секторе Монголии Института востоковедения Академии наук СССР под руководством известного монголоведа С. Д. Дылыкова (1912-1999) [Балданжапов, 1956]. Результаты исследований П.Б. Балданжапова были опубликованы в серии «Monumenta historica» в 2012 г. уже после кончины их автора [Балданжапов, Ванчикова, 2012]. П. Б. Балданжапов в своей диссертации выполнил работу по изучению, сверке и характеристике разных списков монгольского исторического сочинения «Эрдэнийн эрихэ», а также выявлению разночтений, их анализу и характеристике. При этом исследователь отмечал, что он не ставил перед собой цель выполнить полный и подробный перевод летописи, и по этой причине

перевод был выполнен им только в черновом варианте для того, чтобы дать характеристику летописи, выявить ее структуру и состав, а также определить значение и место «Эрдэнийн эрихэ» в монгольской историографии [Балданжапов, Ванчикова, 2012]. Некоторые фрагменты перевода, выполненного П. Б. Балданжаповым, проанализированы нами в третьей главе.

Учитывая изложенные обстоятельства, мы посчитали возможным предпринять попытку выполнения самостоятельного перевода и источниковедческого исследования ряда отрывков летописи «Эрдэнийн эрихэ», в которых ее автор описывает события монгольской истории XVIII в. К числу этих событий принадлежат произошедшие в середине этого века антицинские восстания во главе с западно-монгольским правителем Амурсаной и халхаским (северо-монгольским) князем Чингунжавом. Помимо того в качестве объекта для изучения мы избрали фрагмент «Эрдэнийн эрихэ», освещающий историю основания и строительства *Кобдоской крепости*¹ – одного из главных центров цинской системы военно-административного управления Монголией. Выбор этих исследовательских сюжетов не был для нас случайным. Во-первых, связанные с ними исторические явления являются важными звеньями в цепи событий, связанных с распространением на Северную и Западную Монголию политического и административного контроля империи Цин. Во-вторых, описывая антицинские восстания и излагая историю строительства крепости в Кодбо, Галдан применял повествовательные методы и изобразительные средства, которые были во многом типичны для всего его литературного творчества. Анализ этих средств и методов, а равно и изучение идейного

¹ В 1762 г. указом императора Цяньлуна на западной границе Северной Монголии в местности *Кобдо* была основана одноименная *крепость*. Она являлась резиденцией цинского наместника, в подчинении которого находились территории до 1758 г. составлявшие восточную часть разгромленного Империей Цин Джунгарского ханства (аймаки дэрбэтов, мингатов, олетов, дзахчинов и алтайских урянхайцев). В структуру ведомства кобдоского наместника входили военный департамент (цэргийн жургаан), финансовый департамент (сангийн жургаан), департамент по делам управления монгольскими территориями (моголын жургаан) и канцелярия (тамгын газар) [Содномдагва, 1961:38-39]. История Кобдоского наместничества, подобно истории прочих подобных административных ведомств, завершилась с падением господства маньчжурской династии во Внешней Монголии. Впрочем, служившие в Кобдо цинские чиновники и солдаты здешнего гарнизона оказали наиболее упорное сопротивление новым монгольским властям и до августа 1912 г. не желали покидать территорию Внешней Монголии [Бурдуков, 1969:78].

фундамента, на котором основывается интересующая нас монгольская летопись, входят в круг исследовательских задач, стоящих перед данной работой.

В основу выполненного нами перевода фрагментов «Эрдэнийн эрихэ» и их исследования положена доселе подробно не изучавшаяся отечественными авторами публикация этой летописи, осуществленная монгольским историком Ц. Насанбалжиром в 1960-м году [Насанбалжир, 1960]. Значение этой публикации состоит в том, что Ц. Насанбалжир составил сводный текст «Эрдэнийн эрихэ», учитывающий особенности *ряда из известных ее списков*.² Мы основывались на переиздании работы Насанбалжира, предпринятом в 2006 г. монгольскими исследователями Ж. Гэрэлбадрахом, Д. Будсүрэн и П. Бямбахорол [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006].

Цель настоящей выпускной квалификационной работы состоит в том, чтобы определить значение «Эрдэнийн эрихэ» как источника по истории Монголии XVIII в., а также выявить степень, в которой изучаемая нами летопись использована в существующей научной литературе, посвященной упомянутым событиям. На основе этих изысканий мы полагаем возможным сформулировать предположения о степени источниковедческого изучения данной летописи в современном историческом монголоведении. В связи с изложенным, конкретные задачи данной работы состоят в том, чтобы собрать информацию об основных списках «Эрдэнийн эрихэ», известных современной науке, осветить процесс изучения этой летописи отечественными и зарубежными авторами, выполнить перевод фрагментов летописи, касающихся восстаний Амурсаны и Чингунжава и строительства Кобдоской крепости, а также путем анализа исторических исследований отечественных и зарубежных авторов составить научный комментарий к тем фрагментам летописи, где были описаны эти события.

В изучении разных списков летописи «Эрдэнийн эрихэ» мы основывались на каталогах различных коллекций монгольских рукописей и

² Общую характеристику списков «Эрдэнийн эрихэ», которые к сему времени введены в научный оборот и которые были учтены Ц. Насанбалжиром при составлении ее сводного текста, мы дадим в главе 1.

ксилографов, составленных В. Л. Успенским [Uspensky, 1999], Л.С Пучковским [Пучковский, 1957], А.Г. Сазыкиным [Сазыкин, 1988], Н. В. Цыремпиловым [Tsytempilov, 2006], а также на вводном разделе использованной нами публикации текста «Драгоценных четок» [Ж. Гэрэлбадрах, Д. Бүдсүрэн и П. Бямбахорол, 2006].

Среди использованных нами исторических исследований, послуживших основой для нашего комментария к рассмотренным нами фрагментам «Эрдэнийн эрихэ», следует упомянуть работы отечественных авторов – И. Я. Златкина [Златкин, 1958; Златкин, 1983], Г.С. Гороховой [Горохова, 1980], В.А. Моисеева [Моисеев, 1998], Ш. Б. Чимитдоржиева [Чимитдоржиев, 2002] и Э.В. Демина [Демин, 1994]. Особую ценность в отмеченном смысле для нас представляли работы таких монгольских авторов как Н. Ишжамц [Ишжамц, 1962] и Ш. Нацагдорж [Нацагдорж, 1963], а равно и исследования западных ученых Ч. Баудена [Bawden, 1968], К. Атвуда [Atwood, 2004] и К. Каплонски [Kaplonski, 1993]. При написании комментария к фрагментам сочинения Галдана, в которых изложены обстоятельства, связанные со строительством Кобдоской крепости, мы использовали работу А.М. Позднеева «Города Северной Монголии» [Позднеев, 1880]. Эта работа содержит подробное описание многих монгольских поселений, включая интересующий нас город Кобдо. Помимо того к обстоятельствам, связанным с историей Кобдо, обращался Г.Е. Грумм-Гржимайло в книге «Западная Монголия и Урянхайский край» [Грумм-Гржимайло, 1914-1930]. Но наиболее информативной для нас оказалась работа монгольского историка Д. Гонгора «Краткая история Кобдо» [Гонгор, 1964], в которой история возникновения этого города изложена в хронологической последовательности и в многочисленных подробностях. При описании административной структуры Кобдоского наместничества мы обращались к работе другого монгольского ученого Ц. Содномдагвы [Содномдагва, 1961].

Построение структуры данной работы обусловлено задачами исследования. Работа состоит из введения, оглавления четырех глав,

заклучения и списка использованной литературы. В первой главе рассмотрены основные списки «Эрдэнийн эрхэ», известные современной науке. Вторая глава посвящена описанию исследований летописи «Эрдэнийн эрхэ» в отечественном и зарубежном монголоведении. Следует оговорить, что недостаточная языковая подготовка не позволила нам включить в это описание работы, изданные на немецком, китайском и японском языках. Третья глава представляет собой исследование тех фрагментов летописи Галдана, которые посвящены восстаниям Амурсаны и Чингунжава. Четвертая глава посвящена изучению особенностей освещения в «Эрдэнийн эрхэ» событий, связанных с возведением Кобдоской крепости.

Глава I

Списки «Эрдэнийн эрихэ» (обзор историографии)

Переходя к описанию известных в современной науке списков «Эрдэнийн эрихэ», следует прежде всего указать на то, что подлинник текста данного сочинения, написанный рукой автора, так и не обнаружен. Вместе с тем до нас дошло немало последующих (неоригинальных) списков этой летописи. Списки «Эрдэнийн Эрихэ» хранятся в Монгольской Национальной библиотеке (5 списков), Монгольском Государственном Университете (1 список), в библиотеке Восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного университета в России (2 списка), в библиотеке Института Восточных рукописей Российской Академии Наук (5 списков), в библиотеке Института бурятских, монгольских, тибетских и буддийских исследований Сибирского отделения РАН в Улан-Удэ (2 списка) [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006:4-5].

Для удобства оформления ссылок на разные списки интересующего нас сочинения мы будем прибегать к системе кодирования их наименований посредством присвоения каждому соответствующей латинской литеры. Первый список, озаглавленный «Erdeni-yin erike kemekü teüke bolai» (История, называемая «Эрдэнийн эрихэ») (в дальнейшем – список А) хранится в Монгольской Национальной Библиотеке под шифром 52/96. Он представляет собой рукопись в зеленом переплете. Список написан черной тушью, кистью на китайской рисовой бумаге на 472 страницах. Размер списка 25 см х 26 см. Этот список отличается от прочих четырех хранящихся в Монгольской Национальной библиотеке списков не только большим объемом текста, но и более богатым содержанием. По этой причине он был выбран из числа прочих списков монгольским исследователем Ц. Насанбалжиром и положен им в основу вышедшего в свет в 1960 г. первого издания полного текста «Эрдэний

эрихэ». Это издание выполнено на базе собственноручно переписанного Насанбалжиром текста упомянутого списка «Эрдэнийн эрихэ» [Насанбалжир, 1960]. Монгольские исследователи Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, анализировавшие работу Ц. Насанбалжира, указали на то, что изданный им текст не является оригиналом, написанным самим Галданом. В их представлении, названная публикация представляет собой дополненный и исправленный издателем вариант текста «Эрдэнийн эрихэ» [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006:5].

Второй список, озаглавленный «Ögüdei-yin erdeni-yin erike kemekü teüke bolıan bičigsen debter orusibai» (Тетрадь, в коей приведена запись истории, именуемой «Эрдэнийн эрихэ *Угэдэя*³»), в дальнейшем – список В, хранится в Монгольской Национальной Библиотеке под шифром 50/96. Этот список представляет собой рукопись в желтом переплете. Он написан черной тушью, кистью на китайской рисовой бумаге на 242 страницах. Размер списка 28 x 28 см. Его содержание было объединено Ц. Насанбалжиром с названным выше списком А при издании текста «Эрдэнийн эрихэ» в 1960 г. Судя по тому, что в списке В к основному тексту был добавлены имена нойонов Сайнонойханского аймака Халхи, живших в конце XIX – начале XX в., можно сказать, что он был переписан в более позднее время, чем создавался оригинал, и хранился на территории Сайнонойханского аймака. Очевидно, что время создания рассматриваемого списка относится к упомянутому выше периоду, совпадающему с годами жизни последних из упомянутых в нем людей [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006:5].

Третий список (далее – список С), озаглавленный «Erdeni-yin erike kemekü degedü debter» (Первая тетрадь сочинения под названием «Эрдэнийн эрихэ») хранится в Монгольской Национальной библиотеке под шифром 1123/96. Он представляет собой рукопись в красном переплете, прошитом в четырех местах зеленой ниткой. Список написан черной тушью, кистью на китайской рисовой

³ Возможно, имя *Угэдэй*, приведенное в заглавии, принадлежит составителю списка.

писчей бумаге, по 8 строк на странице и состоит из 244 листов. Особенность данного списка состоит в том, что в его тексте наименования разделов снабжены подзаголовками, написанными мелким шрифтом красной тушью. Таким же способом выделены и содержащиеся в тексте круглые и треугольные значки. Под упомянутыми в тексте именами правителей халхаских хошунов, которые первоначально получили свои титулы и должности от маньчжур, красной тушью приписаны имена владетельных князей, унаследовавших их правомочия ко времени написания текста данного списка «Эрдэнийн эрихэ». Основываясь на этом Ж. Гэрэлбадрах, Д. Бүдсүрэн и П. Бямбахорол, посчитали возможным установить время его написания, для чего прибегли к анализу фрагментов списка, подобных следующему отрывку: «...Чимэддорж, первоначально получивший титул Тушэту хана Очирай бату на третий год правления Канси, нынешний его наследник Насанцогт (написано чернилами красного цвета). На тридцатый год правления Канси первоначально получивший титул Халхаского Махасамади Сэцэн хана Омхэй, нынешний его наследник *Цэрэндорж*⁴ (отмечено чернилами красного цвета)» и так далее [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006:6].

Продолжение рассматриваемого списка носит название «Erdeni-yin erike dooratu debter» (Вторая тетрадь сочинения, именуемого «Эрдэнийн эрихэ») и имеет шифр 1124/96. Это рукопись объемом в 231 лист в красном переплете, написанная черной тушью, кистью на китайской рисовой писчей бумаге, по 9 строк на странице. Размер листов рукописи 13.4 x 26.3 см. Переплет, в который она заключена, в четырех местах прошит красной ниткой. В тексте рукописи в трех местах отмечены значки в виде красных треугольников, в одном месте - светло-голубой треугольник, в двух местах имеются два подзаголовка,

⁴ Сами цитированные монгольские авторы не приводят даже предположительных сведений о времени составления списка. Как нам кажется, ключом к решению этой проблемы может быть тот факт, что упомянутый в его тексте *Цэрэндорж* носил титул сэцэн-хана с 1876 по 1884 г. [Шархүү, 1984: 143].

написанные мелким шрифтом. Иные добавления в сравнении с описанным выше списком отсутствуют [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006:6].

Четвертый список под названием «*Erdeni-yin erike kemekü teüke namtar ene bui*» (Историческое повествование под названием «Эрдэнийн эрихэ», далее – список D) хранится в Монгольской Национальной библиотеке под шифром 132/96. Размер списка 26.4 x 27 см. Он заключен в желтый хлопчатобумажный переплет, прошитый тремя металлическими скрепками. Список написан черной тушью, кистью на китайской писчей рисовой бумаге, по 16 строк на странице. Объем списка - 217 листов. На внутренней стороне обложки рамкой темно-красного цвета окаймлена надпись: «Прошу мудрейших внести исправления и уточнения в сие историческое сочинение, именуемое «Эрдэнийн эрихэ», которое я, Галдан, помощник туше-гуна Балдор-Дорджи, правителя хошуна халхаского аймака Очирай-Бату-тушэту-хана, имеющий титулы эрдэни-джинон, нигта-мэргэн, эрхэ-сэцэн, дзоригту-багатур-хунтайджи, составил сообразуясь с деяниями мудрейших, положив в основу своего труда книги, хронологическую историю буддизма, законы, словари (у Л.С. Пучковского – «зеркала» [Пучковский, 1957:72]. – А.Т.) и *«Илэтхэл шастир»*⁵. Текст сочинения начинается непосредственно (т.е. без иных заглавий) со следующего листа. Числительные, заглавия, пометки, имена нойонов, начальные фрагменты некоторых фраз написаны темно-красными чернилами. Также некоторые имена и слова вписаны между строк чернилами того же цвета. Например, темно-красной тушью вписано: «Чахундорж, первоначально получивший титул халхаского Очирай Бат тушэту-хана. В настоящее время обладатель этого титула - Цэрэндорж, помощник председателя сейма». Чины владетельных князей халхаских аймаков и имена князей, находившихся у власти на момент

⁵ «*Илэтхэл шастир*» - один из важнейших источников цинского периода по истории монголов и ойратов. Представляет собой собрание родословных списков и биографий монгольских, ойратских и туркестанских князей. Содержание «Илэтхэл шастир» утверждалось цинскими императорами, ее текст публиковался Лифаньюань – особым правительственным ведомством Империи Цин, управлявшим делами Внешней Монголии, Синьцзяна и Тибета. Известно о четырех изданиях «Илэтхэл шастир» (1796, 1803, 1840 и 50-е гг. XIX века). [Санчилов, 1990:21,28; Позднеев А.М., 1883:XXX].

составления списка, приведены в тексте в пометках, вписанных между строк темно-красной тушью, например: «Цэвээнжав, первоначально получивший титул халхаского Эрдэнэ бишрэлт Засакту хана. В настоящее время обладатель этого титула Цэрэндондов» [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006:7].

Пятый список, озаглавленный «*Erdeni-yin erike kemekü teüke nige debter*» («История, именуемая «Эрдэнийн эрихэ», далее – список Е), хранится в Монгольской Национальной библиотеке под шифром 88/96. Список заключен в светло-голубой переплет из хлопчатобумажной ткани и заклеен бумагой в пяти порванных местах. Он написан каламом на китайской рисовой бумаге, по 17-30 строк на странице. Объем списка - 182 листа размером 26 x 25.2 см. На внутренней стороне обложки рамкой красно-коричневого цвета окаймлена надпись: «Прошу мудрейших внести исправления и уточнения, а после этого продолжить и дописать сие историческое сочинение, именуемое «Эрдэнийн эрихэ», которое я, Галдан, помощник туше-гуна Балдор-Дорджи, правителя хошуна халхаского аймака Очирай-Бату-тушэту-хана, имеющий титулы эрдэни-джинон, нигта-мэргэн, эрхэ-сэцэн, дзоригту-багатур- хунтайджи, составил сообразуясь с деяниями мудрейших и положив в основу своего труда хронологическую историю буддийского учения, законы, словари (у Л.С. Пучковского – «зеркала». – А.Т.) и «Илэтхэл шастир» [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006:7-8].

В списке Е текст сочинения начинается непосредственно со следующего листа с расположенным на нем заглавием. Числительные, заглавия, указатели, имена нойонов и начальные фрагменты некоторых фраз написаны красной тушью. Также тушью красного цвета выделены имена владетельных князей четырех аймаков Халхи. Некоторые имена и слова вписаны красной тушью между строк [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006:8].

В библиотеке Восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного университета хранятся два списка «Эрдэнийн эрихэ» Галдана. Основываясь на этих двух списках, А.М. Позднеев подготовил публикацию текста «Эрдэийн эрихэ» [Позднеев, 1883]. Судя по тому, что писал сам автор

публикации, эти два списка «Эрдэнийн Эрихэ» были привезены им из Монголии. Один из них представлял собой копию оригинала, хранившегося в книжных фондах ургинского хутухты. Другой был скопирован с подлинного списка летописи, хранившегося в доме у Галдана-туслагчи [Позднеев, 1883:X].

Первый из этих двух списков (далее список F) имеет название «Erdeni-yin erike kemekü», хранится под шифром «Mong. C 37» и за инвентарным номером 414. Старый шифр: Хул. F 104 коллекция Позднеева 1879 (№ 1). Написан на китайской бумаге. Состоит из 41 листа с текстом и одного пустого листа. Размер списка 46 x 64 см. 23-26 строк на странице [Uspensky, 1999:245].

Второй из двух хранящихся в библиотеке Восточного факультета СПбГУ списков (далее список G) имеет название «Erdeni-yin erike». Списку присвоен библиотечный шифр «Mong. C 19» и инвентарный номер 326. Старый шифр: Хул. F 79 коллекция Позднеева 1879 (№2). Переплет европейский. Состоит из 80 листов с текстом и одного (4-го) пустого листа. Размер списка 23.5 x 25.8 см. 16-34 строки на странице [Uspensky, 1999:245].

Список, в дальнейшем именуемый нами «списком Н», хранится в Институте восточных рукописей Российской Академии наук под шифром F-316 и числится в коллекции А.М. Позднеева как «Сочинение № 348» под названием «Erdeni-yin erike kemegsen teüke». Заглавие на титульном листе. Размер этого списка 26 x 26.5 см. Список написан очень мелким почерком кистью на китайской бумаге с использованием туши. Темно-красный переплет (один титульный лист + 66 листов с текстом + один пустой лист). Имеет дефекты: нижние правые углы большинства листов пострадали от частого перелистывания рукописи [Пучковский, 1957:71-74; Сазыкин, 1988:116].

Список, которому в нашей системе кодирования присвоена литера «I», ныне хранится в Институте восточных рукописей Российской Академии наук под шифром F-246. Ранее он содержался в составе коллекции «Mongolica Nova» (сочинение № 97). Не имеет заглавия. Судя по тому, что отмечено на титульном листе, этот список был найден в Ордосе в 1925 г., а в 1929 г. был внесен в данную коллекцию под регистрационным номером 1615. Если эти сведения

верны, то летопись «Эрдэнийн эрихэ» Галдана распространялась не только в Халхе, но и в других монгольских регионах, среди которых была и Внутренняя Монголия. Размер этого списка 26.5 x 25.5 см. Имеет 1 чистый лист, 205 листов текста и еще 2 чистых листа. Пагинация русская, по листам, красным карандашом. В начале глав указаны их порядковые номера (по-монгольски, черным карандашом, на полях в верхней части листов). 13 строк на странице. Бумага китайская, текст написан тушью, кистью. Обложка из белой, пожелтевшей бумаги. Имеются значительные отличия содержания ряда глав (в особенности глав I и XLII-XLIV) данного списка от соответствующих мест в упомянутом выше списке Н. Основываясь на этом большинство из исследователей считают рассматриваемый список особой редакцией «Эрдэнийн эрихэ» [Балданжапов, 1959:164; Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006:9; Пучковский, 1957:75; Сазыкин, 1988:116].

Еще один список летописи (далее список J) хранится в Институте восточных рукописей Российской Академии наук. Не имеет заглавия. Название «Mongγol-un teüke» - «История монголов» и порядковый номер тетради – «Первая тетрадь», написанные рукой Ц. Ж. Жамцарано, помещены на верхней обложке рукописи. Дата его составления не сохранилась, так как конец рукописи отсутствует. Сочинение представляет еще одну редакцию летописи «Эрдэнийн эрихэ», более близкую к списку I, чем к списку Н. Что касается списка J, то он был зарегистрирован под номером F – 297 (сочинение № 5) в коллекции IV Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии. Судя по пометкам на титульном листе и иным сведениям, этот список был приобретен в 1914 г. и поступил в коллекцию «Mongolica Nova» в том же году под регистрационным номером 356/5. Размер списка 24.5 x 29 см. Состоит из 1 чистого листа и 92 листов содержания. 17 строк на странице. Монгольская нумерация глав дана Ц.Ж. Жамцарано. Бумага китайская. Текст написан тушью, кистью. Обложка из той же бумаги, что и вся рукопись [Балданжапов, 1959:164; Пучковский, 1957:76; Сазыкин, 1988:116].

Продолжением списка J является хранящийся в СПБИБР РАН список под номером F – 286 (далее – список K). Данный список одновременно со списком J поступил в IV коллекцию Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии, где значился под №6. Размер списка 24.5 x 25.5 см. Состоит из 72 листов и одного чистого листа. 17 строк на странице. Монгольская нумерация глав дана Ц.Ж. Жамцарано на полях рукописи карандашом. Бумага китайская. Текст сочинения написан тушью, кистью, другой рукой, чем список J. Обложка из той же бумаги, что и вся рукопись [Пучковский, 1957:76-77; Сазыкин, 1988:116].

Существуют некоторые разночтения, касающиеся следующего списка летописи, который в дальнейшем будет фигурировать в нашей работе под литерой «L». Во вводном разделе издания «Эрдэнийн эрихэ», подготовленном А. Цанжидом, Ш. Чоймаа, Ж. Гэрэлбадрахом, Д. Бүдсүрэном, об этом списке говорится как еще об одном сочинении под названием «Эрдэнийн эрихэ», которое поступило в фонды Института Востоковедения АН СССР (ныне Институт Восточных рукописей РАН) из коллекции «Mongolica Nova». [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006:9]. Вместе с тем в каталоге «Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института Востоковедения», составленном Л.С. Пучковским, список L отнесен к коллекции А.Д. Руднева (№ 106) [Пучковский, 1957:77].

В настоящее время список L хранится в Институте восточных рукописей Российской Академии наук под шифром В 193 (В 224). Список имеет заглавие «Erdeni-yin erike kemegdekü orosiba» и представляет собой перечень названий глав I-XXXV летописи «Эрдэнийн эрихэ», составленный по тексту, близкому по содержанию к списку I. Листы 16-36 списка L в значительной степени соответствуют листам 16-26 списка I. Размер списка 9.5 x 22.5 см. 3 листа. 18-19 строк. Он написан чернилами, пером на русской бумаге в мелкую клетку [Пучковский, 1957:77; Сазыкин, 1988:116].

Два списка «Эрдэнийн эрихэ» находятся в библиотеке Института монголоведения, тибетологии и буддологии Сибирского отделения РАН.

Первый из них (далее список М) называется «Erdeni – yin erike» и имеет библиотечный шифр МИ 563, 1999 (МИ 1258). Обложка из плотной бумаги обтянута суровой хлопчатобумажной тканью с пятнами серого цвета. Список написан кистью, черной и темно-красной тушью на китайской писчей рисовой бумаге, по 13 – 14 строк на странице. Объем списка - 214 листов размером (+титульный лист) 26 x 26 см. Листы не пронумерованы. Сохранился в плохом состоянии. Переплет прошит в четырех местах тонким ремешком. В этом сочинении вокруг отдельных фрагментов текста тушью сделаны обводящие их круглые пометки. Также темно-красной тушью в некоторых местах вписаны имена и титулы монгольских нойонов и упоминания о произошедших событиях. К особенностям рассматриваемого списка относится отсутствие первого листа оглавления и заключительных 44-й, 45-й и 46-й глав. В оглавлении 43 наименования, поскольку первый лист оглавления с 1-м, 2-м и 3-м наименованиями отсутствует [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006:10; Tsyrempilov, 2006:41].

По мнению монгольских и отечественных исследователей, изучавших список М, он является расширенной версией летописи «Эрдэнийн эрихэ» Галдана [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006:10; Tsyrempilov, 2006:41]. В этом списке наименования разделов о преемниках Джучи (4 раздел), преемниках Чагатая (5 раздел), преемниках Угедея (6 раздел) и преемниках Тулуя (7 раздел) не соответствуют копии оригинала летописи, принадлежащей А.М. Позднееву. Первые три главы, наименования которых отсутствуют в данном списке, повествуют о происхождении вселенной, людей, о жизни Будды, первых тибетских царях (первая глава); о предках Чингисхана и о том периоде жизни Тэмуджина, когда он еще не принял ханский титул (вторая глава); о завоевании Чингисханом монгольских племен, государства тангутов, китайского государства Цзинь, Средней Азии (третья глава). Остальные главы приблизительно совпадают с главами копии, принадлежавшей А.М. Позднееву, хотя в отдельных деталях и их текст отличают определенные особенности [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006:10; Tsyrempilov, 2006:41].

Наряду со списком М в библиотеке Института монголоведения, тибетологии и буддологии Сибирского отделения РАН имеется фотокопия сочинения под названием «Erdeni – yin erike kemekü bicig» в составе двух тетрадей. Считалось, что эта фотокопия была сделана со списка, хранящегося в Монгольской Государственной библиотеке. Но монгольские исследователи Ж. Гэрэлбадрах, Д. Бүдсүрэн и П. Бямбахорол, занимавшиеся сопоставлением фотокопии со списками, хранящимися в Монгольской Национальной библиотеке, не обнаружили между ними совпадений ни в особенностях написания имен, ни в размерах бумаги, ни в прочих идентификационных признаках. Что касается отображенного на фотокопии текста, то он написан черными чернилами, по 16 строк на странице. Первая тетрадь, хранящаяся в библиотеке ИМТБ СО РАН под шифром МИ 563 (инв. № 288), состоит из 55 листов размером 24.5 x 25 см (+ титульный лист). На правом верхнем углу титульного листа имеется приклеенная полоска красной бумаги, на которой содержится название сочинения. Эта тетрадь включает в себя вводную часть, оглавление, 35 первых глав «Эрдэнийн эрихэ», названных согласно тому, как указано в каталоге Пучковского (Пучковский, 1957), кроме последней главы, именуемой «Tögü gereltü -yin on jibcundamba ba noyad yabudal-i seiregülügen inu» (Краткое описание жизни и деятельности *Джэбдзундамба-хутухты* ⁶ и [халхаских] нойонов в годы правления Туру-Гэрэлту (цинский император Даогуан-А.Т.). [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006:10; Tsyrempilov, 2006:38].

Вторая тетрадь (шифр МИ 563, инв. номер 289) состоит из 65 листов размером 24.5 x 25 см. На правом верхнем углу титульного листа имеется приклеенная полоска красной бумаги, на которой содержится название сочинения. Текст написан черными чернилами, по 16 строк на странице. Эта

⁶ *Джэбдзундамба-хутухта* - линия реинкарнаций буддийских святых, существовавшая в Северной Монголии с 1639 по 1924 г. и известная среди халхасцев также под именем Богдо-гэгэн, а среди южных монголов под именем Ар (т.е. Северный) Богдо. В буддийском пантеоне Джэбдзундамба-хутухты считались продолжением перерождений выдающегося тибетского ламы Таранатхи (1575-1634) [Atwood, 2004:267].

тетрадь содержит 10 заключительных разделов «Эрдэнийн эрхэ» с 36-го по 46-й [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006:10; Tsyrempilov, 2006:39].

Во ввoдном разделе издания «Эрдэнийн эрхэ», которое подготовили Ж. Гэрэлбадрах, Д. Бүдсүрэн и П. Бямбахорол, содержится информация о существовании еще одного списка «Эрдэнийн эрхэ», который хранится в библиотеке Монгольского Государственного Университета, однако исследователи не сообщают какой-либо информации об этом списке [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006:5].

В заключение отметим, что сводный текст летописи, составленный Ц. Насанбалжиром, а затем переизданный Ж. Гэрэлбадрахом, Д. Бүдсүрэном и П. Бямбахорол и использованный нами в качестве основы для перевода фрагментов «Эрдэнийн эрхэ» на русский язык, основан на списках А и В [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006:5] .

Глава II

Летопись «Эрдэнийн эрихэ» в исследованиях отечественных и зарубежных авторов

Памятники традиционной монгольской историографии вот уже несколько столетий привлекают внимание российских и зарубежных ученых. При этом отечественные исследователи внесли весомый вклад в формирование архивных коллекций памятников монгольской письменности и их изучение. Замечательной традицией русских ученых-востоковедов являлось то, что они, помимо разностороннего изучения стран Востока, были неутомимыми собирателями памятников культуры этих стран. Их усилиями в XIX – начале XX в. создавалась научная база для будущих исследователей. Крупнейшими научными центрами, где в России с дореволюционных времен концентрировались исследования письменных памятников народов Востока (в том числе и монголов), были Азиатский музей Академии наук, Петербургский и Казанский университеты. Фонды восточных рукописей этих учреждений обогатились монгольскими коллекциями, собранными *И.Я. Шмидтом*⁷, *В.В. Радловым*⁸, *А.М. Позднеевым*⁹, *И.Н. Березиным*¹⁰, *П.К. Козловым*¹¹, *Б.Я. Владимирцовым*¹², *А.Д. Рудневым*¹³.

⁷ *И.И. Шмидт* (1779-1847) - русский и немецкий ученый востоковед (монголовед, тибетолог и буддолог). Впервые ввел изучение монгольского языка и литературы в европейскую науку. Основные работы, опубликованные на русском языке: Грамматика монгольского языка. СПб., 1832; Грамматика тибетского языка. СПб., 1839; Тибетско-русский словарь. СПб., 1843.

⁸ *В. А. Радлов* (1837-1918) - российский востоковед тюрколог, этнограф, археолог, один из зачинателей сравнительно-исторического изучения тюркских языков и народов. Основные труды по монголоведению: *Die altturkischen Inschriften der Mongolei* (Древнетюркские надписи в Монголии), вып. 1 и 2, СПб., 1894, 1899; *Atlas der Altertumer der Mongolei* (Атлас монгольских древностей), Санкт-Петербург, 1892; Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи, тексты и немецкий перевод; Санкт-Петербург, 1866-1896, 7 т.

⁹ *А.М. Позднеев* (1851-1920) – российский востоковед (монголовед, доктор монгольской и калмыцкой словесности). Основные труды по монголоведению: Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к монгольскому народу. СПб., 1887; Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892-1893 гг. Т. 1. Дневник и маршрут 1892 г. Т. 2. Дневник и маршрут 1893 г. СПб., 1896-1898.

¹⁰ *И.Н. Березин* (1818-1896) – российский востоковед (тюрколог, иранист, монголовед). В 1864 г. защитил диссертацию на тему «Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева», представленную им для соискания степени доктора восточной словесности.

О том, что в отечественном востоковедении интерес к монгольским летописям имеет более чем двухвековую историю, свидетельствуют труды выдающихся ученых И.Я. Бичурина [Бичурин, 1828], В.П. Васильева [Васильев, 1861], В.В. Григорьева [Григорьев, 1834], И.Н. Березина [Березин, 1858], П. Кафарова [Кафаров, 1892], В.В. Бартольда [Бартольд, 1911] и многих других исследователей, в которых анализировались и обобщались данные монгольских источников.

Советская историческая наука во многом продолжила источниковедческие традиции отечественного востоковедения. В 1930 г. на базе Азиатского музея РАН был организован Институт востоковедения. При нем функционировала крупнейшая востоковедная библиотека. Собранная в ней коллекция восточных рукописей превратилась в одно из богатейших хранилищ письменных памятников Востока, монгольский фонд которого систематически пополнялся ценными коллекциями Б.Я. Владимирцова, *Ц.Ж. Жамцарано*¹⁴, *С.Д. Дылыкова*¹⁵, *Д.А. Алексеева*¹⁶ и многих других.

К числу монгольских источников, традиции изучения которых были заложены и в дальнейшем развиты усилиями отечественных исследователей, относится и летопись «Эрдэнийн эрихэ» Галдана. Первые сведения об этой летописи в академическом монголоведении появились в 1882 г., когда профессор Санкт-Петербургского университета А.М. Позднеев на одном из заседаний филологического общества сделал сообщение «О монгольской

¹¹ *П.К. Козлов* (1863-1935) – русский исследователь Монголии, Тибета и Синьцзяна. Принимал участие в четырех экспедициях в Центральную Азию, во время которых ему удалось совершить несколько выдающихся археологических и источниковедческих открытий [Павлов, 1940].

¹² *Б.Я. Владимирцов* (1884-1931) – российский монголовед. Специалист в области монгольского языкознания, литературы, а также истории и этнографии монгольских народов. Как историк, приобрел известность благодаря своему труду «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» (Л., 1934).

¹³ *А.Д. Руднев* (1878-1958) – русский ученый, монголовед и фольклорист. Занимался записями музыкального фольклора монголов, бурят и калмыков. Основные труды: Мелодии монгольских племен. СПб., 1909; Образцы монгольской литературы. СПб., 1908.

¹⁴ *Ц.Ж. Жамцарано* (1881-1942) – бурятский, монгольский и советский ученый. Основной труд по монголоведению: Монгольские летописи XVII века. М.; Л., 1936.

¹⁵ *С.Д. Дылыков* (1912-1999) – востоковед (историк Монголии). Основные труды по монголоведению: Демократическое движение монгольского народа в Китае: Очерк истории. М., 1953; Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. М., 1981.

¹⁶ *Д.А. Алексеев* (1908- 1973) - Лингвист, в 1960-е-70-е гг. заведующий кафедрой монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ. Автор монографии «Диалекты бурят-монгольского языка» (М., 1949).

исторической литературе по памятникам, хранящимся в С.-Петербургском университете», позже опубликованное в 5 и 6 номерах газеты «Восточное обозрение» за 1882 г. В этом сообщении А.М. Позднеев дал высокую оценку монгольской литературе в целом и летописи «Эрдэнийн эрихэ» в частности [Позднеев, 1882 №5: 6-8; №6: 7-9].

В дальнейшем А.М. Позднеев продолжил изучение интересующей нас монгольской летописи. В 1883 г. он перевел на русский язык и издал часть текста «Эрдэнийн эрихэ» (с 41-й по 46-ю главу), которая имеет отношение к истории Монголии и описывает ее столетний период с 1636 по 1736 г., предпослав изданию введение и подробный комментарий [Позднеев, 1883].

Следует заметить, что публикация «Эрдэнийн эрихэ» практически сразу обратила на себя внимание научной общественности того времени. В 1884 г. в июньском номере «Журнала Министерства Народного просвещения» появилась рецензия Н.И. Веселовского на упомянутую работу А.М. Позднеева [Веселовский, 1884: 237-262]. Появление рецензии, по словам ее автора, было связано с тем, что при публикации летописи «Эрдэнийн эрихэ» А.М. Позднеев отказался от своей прежней высокой ее оценки и назвал ее чересчур малосодержательной и сбивчивой. Как писал Н.И. Веселовский, «профессор Позднеев обвинил Галдана в том, что он не смог оценить имевшегося у него при составлении летописи материала, не умел выбрать и отличить сведения, представляющие собой действительный и существенный интерес для истории». Обосновывая свою точку зрения, Н.И. Веселовский упрекал А.М. Позднеева в тенденциозном подходе к монгольскому народу и его письменному наследию и даже в неумении работать с источниками и в отсутствии критического к ним отношения [Веселовский, 1884:240, 259]. Также Н.И. Веселовский заметил, что А.М. Позднеев за все три года (1876-1878), которые он пробыл в Монголии, мог бы всесторонне изучить быт, понятия и мирозерцание монголов, а затем «с особенной яркостью и рельефностью объяснить взгляды и понятия кочевников», но «многоречевые и без выдержки разъяснения автора как-то стушевали и

затемнили многие выдающиеся явления (монгольской жизни. – А.Т.)» [Веселовский Н.И., 1884:253].

На критику Н.И. Веселовского А.М. Позднеев ответил статьей «Ответ Н.И. Веселовскому», в которой он отметил, что «...все упреки Веселовского в противоречиях и недомолвках должны всецело относиться не ко мне лично, а к переданным мною китайским, маньчжурским и монгольским памятникам» [Позднеев, 1884: 278].

К числу отечественных монголоведов, которые в своих исследованиях уделили значительное внимание работе А.М. Позднеева по изучению «Эрдэнийн эрихэ», относится Б.Я. Владимирцов. Этот ученый отмечал, что «...к работам А.М. Позднеева приходится подходить с большой осторожностью и проверять на каждом шагу его положения ввиду явной его небрежности в обращении с источниками» [Владимирцов Б.Я., 1934:24]. В то же время нельзя сказать, что Б.Я. Владимирцов отрицал научную значимость труда А.М. Позднеева, поскольку подчеркивал, что последний в своей работе сделал попытку «разобраться в данных о строе халхаского общества XVI-XVII вв.» [Владимирцов, 1934:24].

Приведенные суждения Б.Я. Владимирцова, как нам кажется, объективно отражают значение трудов А.М. Позднеева в начале процесса академических исследований «Эрдэнийн эрихэ». Безусловно, А.М. Позднееву принадлежит заслуга в открытии этого ценнейшего источника для науки. Вместе с тем на этапе ввода текста изучаемой нами летописи в научный обиход А.М. Позднеев не смог избежать вполне естественных неточностей, на которые обратили внимание последующие ее исследователи. Прежде всего речь идет о спорности приведенной А.М. Позднеевым версии о времени написания «Эрдэнийн эрихэ». В определении периода, когда создавалось интересующее нас сочинение, А.М. Позднеев основывался на сведениях, которые он почерпнул из беседы с самим автором «Эрдэнийн эрихэ» Галданом. С ним А.М. Позднеев познакомился во время своего путешествия по Халхе в 1879 г., в тот момент, когда Галдану было 84 года. А.М. Позднеев, передавая слова Галдана, отмечал: «Историю

составления летописи от него было трудно добиться: он говорил, что первое издание ее было написано им лет двадцать тому назад и якобы со специальной целью, чтобы по книге этой мог ознакомиться с прошедшею жизнью Халхи, ее современным бытом и отношением к Китаю седьмой хубилган *ургинского хутухты*¹⁷» [Позднеев, 1883:X].

В то же время П.Б. Балданжапов, анализируя приведенные нами суждения А.М. Позднеева, обратил внимание на то, что ко времени, когда последний встречался с Галданом, автор «Эрдэнийн эрихэ» пребывал в весьма почтенных летах и ум его вполне мог быть уже не совсем ясным. При этом, по мнению П.Б. Балданжапова, Позднеев в должной мере не проанализировал слова пожилого человека, принял их на веру и решил, что Галдан действительно написал «Эрдэнийн эрихэ» по повелению VII Джэбдзундамба-хутухты [Балданжапов, 2012:54]. Вместе с тем, как отмечает П.Б. Балданжапов, халхаский VII Джэбдзундамба-хутухта Агваанчойдживанчигпэрэнлэйджамц родился в 1850 г. и пять лет спустя был возведен в хутухты. Что же касается текста летописи, то работа над ним была завершена в 1841 г. Основываясь на этом, упомянутый автор утверждает, что версия А.М. Позднеева, по которой Галдан писал «Эрдэнийн эрихэ» по повелению VII Джэбдзундамба Хутухты, сомнительна [Балданжапов, 2012:45].

Собственные предположения относительно времени написания «Эрдэнийн эрихэ» высказал также монгольский ученый Х. Пэрлээ. Он сообщает: «Возможно, что Галдан начал писать свое сочинение еще до того, как начал нести службу в Улясутае (1869). Сначала он описал историю трех хошунов, являвшихся его малой родиной. Затем во время службы в Улясутае он изучил доступные в то время источники по истории Халхи и официальные документы и на их основе написал историю Халхи, к которой присоединил описание древней истории Монголии. Галдан свое сочинение начал с описания своей

¹⁷ Речь у А.М. Позднеева в данном случае идет о Джэбдзундамба-хутухте.

малой родины, но в процессе работы обрел возможность изучить всю историю Монгольского государства» [Пэрлээ Х., 1958:27].

В середине 1950-х гг. к изучению «Эрдэнийн эрихэ» обратился отечественный ученый П.Б. Балданжапов (1921-1991). Он исследовал, перевел и прокомментировал данное монгольское историческое сочинение в кандидатской диссертации, защищенной им в 1956 г. в секторе Монголии Института востоковедения Академии наук СССР под руководством известного монголоведа С. Д. Дылыкова (1912-1999) [Балданжапов, 1956]. Следует подчеркнуть, что главное внимание П. Б. Балданжапов сосредоточил на источниковедческой характеристике и раскрытии значения летописи как исторического источника. При этом составление сводного монгольского текста и перевод летописи на русский язык выполнялись автором параллельно с решением основной задачи и, по собственным словам П.Б. Балданжапова, не рассматривались как основные задачи его работы [Балданжапов, Ванчикова, 2012:16].

В дальнейшем, продолжая свою диссертационную работу, П.Б. Балданжапов создал обобщающее исследование, основанное на сравнении шести списков «Эрдэнийн эрихэ», хранящихся в различных российских архивах и библиотеках. В своей работе в составе упомянутых списков «Эрдэнийн эрихэ» П.Б. Балданжапов выделил три разные категории, которые определил как «первоначальные списки», «пространные списки» и «краткие списки» [Баджанжапов, 2012:39]. Списки, упомянутые нами в предыдущей главе под литерами Н и F, отнесены П.Б. Балданжаповым к группе «первоначальных списков». Ученый полагает, что оригинал этих списков и был первым вариантом сочинения Галдана. Также П.Б. Балданжапов высказал предположение о том, что список Н, вероятно, может быть подлинником, написанным самим летописцем и приобретенным А.М. Позднеевым непосредственно у автора [Балданжапов, 2012:39].

Галдан, по мере изучения архивных документов, различных книг и письменных источников, вносил коррективы и дополнения в первоначально

написанный им текст. Больше всего дополнений Галдан сделал в семи заключительных разделах своего сочинения. Поэтому начальные 40 разделов «Эрдэнийн эрихэ» написаны кратко, а заключительная часть из 7 разделов представляет собой подробное описание истории Халхи. Следовательно, по мнению П.Б. Балданжапова, эту часть можно отнести к «пространным спискам». К данной категории П.Б. Балданжапов относит список Н. Поскольку «первоначальные списки» и «пространные списки» возникли как результат авторской редакции, то, как полагает П.Б. Балданжапов, их историографическое значение особенно высоко [Балданжапов, 2012:40].

По мере того как текст «Эрдэнийн эрихэ» в середине и второй половине XIX в. распространялся по Монголии, начался процесс его постоянного копирования, при котором сочинение переходило от одного человека к другому из рук в руки. Переписчики меняли компоновку разделов, в значительной степени сокращали их, делали добавления, более того, своими словами толковали некоторые факты. Таким образом возникли сокращенные списки I, J, K. Особенности, по которым можно отличить эти списки от других, по мнению П.Б. Балданжапова, во-первых, состоят в том, что в них не говорится об имени автора, во-вторых, они заключают в себе часть, касающуюся буддийского предания о происхождении мира, взятую из сочинения Саган Сэцэна «Эрдэнийн товч»¹⁸, в – третьих, помимо некоторых добавлений и редакторских исправлений, основное описание в значительной степени сокращено [Балданжапов, 2012:40].

Вместе с тем П.Б. Балданжапов полагает, что и эти списки «Эрдэнийн эрихэ» также полезны для ее всестороннего текстологического анализа, несмотря на вошедшие в них добавления и наличие в их текстах описаний исторических событий, самостоятельно измененных переписчиками по сравнению с авторской трактовкой [Балданжапов, 2012:40].

¹⁸ «Эрдэнийн товч» Саган Сэцэна является крупнейшим памятником монгольской историографии конца XVII в. Представляет собой наиболее законченный для своего времени исторический труд по истории Монголии [Бира, 1978:252,253].

Оценивая в целом источниковедческое и историографическое значение «Эрдэнийн эрихэ» Галдана, П. Б. Балжанжапов пришел к выводу о том, что эта летопись является чрезвычайно важным источником по истории Монголии. В ней, в сопоставлении с иными историческими сочинениями, продемонстрирован более широкий подход к историческим явлениям и приведены оригинальные сообщения источников [Балданжапов, 2012:103,111]. Исходя из этого П.Б. Балданжапов заключает, что «Эрдэнийн эрихэ» - это историческое сочинение, имеющее общемонгольское значение, по которому оно превосходит другие более или менее современные ему исторические источники «Болор Толь», «Болор эрих», «Сувд эрих» [Балданжапов, 2012:111].

По мнению П.Б. Балданжапова, авторы таких сочинений как «Эрдэнийн толь»¹⁹, «Болор эрих»²⁰, «Болор толь»²¹ в описании исторических событий очевидно противоречили национальным интересам Монголии, поскольку стояли на стороне маньчжур, в XVII – середине XVIII в. включивших основные монгольские регионы в состав созданной ими империи Цин. В противовес им в «Эрдэнийн эрихэ» большое внимание уделено распространению идей о необходимости объединения всех монголов против захватнической политики маньчжур [Балданжапов, 2012:110].

Важное место в изучении «Эрдэнийн эрихэ» Галдана занимают исследования монгольского ученого Ц. Насанбалжира. В 1960 г., через 77 лет после А.М. Позднеева и к 120-летней годовщине со времени написания «Эрдэнийн эрихэ» он издал полный текст этого сочинения и тем самым внес

¹⁹ «Эрдэнийн толь» («Драгоценное зеркало») – монгольская летопись. Об авторе в летописи не сообщается, точная дата ее написания также не указана. Упоминание в летописи 3-го года правления Найралту-губ (цинский император Юньчжэн, правил в 1722-1736 гг.) является косвенным указанием на время написания сочинения. Значительная часть содержащихся в нем сведений известна из других летописей XVII-XVIII вв. Наибольшую ценность представляют собой данные по истории монгольских ханов при маньчжурской династии [Пучковский, 1957, 44].

²⁰ «Болор эрих» («Хрустальные четки») – летопись, написанная в 1774-1745 гг. Рашипунцугом. Является первой монгольской летописью, в основу которой были положены источники на китайском языке, повествовавшие о монгольской династии Юань (1271-1368) [Atwood, 2004:43].

²¹ «Болор толь» («Хрустальное зеркало») – монгольская летопись, написанная в 1837 г. да-ламой Дхамбадоржи. Сочинение описывает историю монголов с древнейших времен до конца первой четверти XIX в. Наибольшую ценность в нем представляют собой сведения по истории Внутренней Монголии, Тибета и Джунгарии XVII-XVIII вв, не встречающиеся в других монгольских летописях [Базарова, 2006:303; Пучковский, 1957:60].

существенный вклад в процесс его ввода в научный обиход. Ц. Насанбалжир полагал, что первая глава рассматриваемого нами сочинения, повествующая о происхождении правителей Тибета и Индии и о распространении буддизма, почти полностью представляет собой копию текста «Эрдэнийн товч» Саган Сэцэна, а вторая глава посвящена началу раннесредневековой и в особенности событиям средневековой истории Монголии. Таким образом, летопись «Эрдэнийн эрихэ» содержит подробное и хронологически точное описание событий монгольской истории на протяжении более чем двухсот лет с 1636 по 1840 г. При этом особенно подробно освещен захват маньчжурами Северной, Южной и Западной Монголии. Основываясь на изложенном, Ц. Насанбалжир заключил, что летопись «Эрдэнийн эрихэ» Галдана-туслагчи представляет большую ценность для изучения истории Халха Монголии XVII - XIX столетия [Насанбалжир, 1960].

В начале прошлого столетия к подробному изучению «Эрдэнийн эрихэ» обратились западные монголоведы. Первым из них стал Б. Лауфер, который дал общую характеристику этой летописи, описал биографию ее автора и указал на время ее составления [Лауфер, 1927]. В 1963 г. американский ученый Дж. Флетчер выступил со статьей, посвященной анализу источников, положенных в основу сочинения Галдана. При этом упомянутый исследователь пришел к выводам, противоречащим приведенным выше суждениям отечественных и монгольских авторов. Дж. Флетчер полагал, что «Эрдэнийн эрихэ» в полном смысле не является произведением самого Галдана, а по большей части представляет собой компиляцию из фрагментов, заимствованных им из других сочинений. Считая работу Галдана в основном компилятивной и исходя из того, что основой написанных им самостоятельно фрагментов во многом является содержание иных сочинений, Дж. Флетчер заключил, что источниковедческое значение содержания «Эрдэнийн эрихэ» не заслуживает высокой оценки. Упомянутый автор пришел к общему выводу о том, что противоречивые суждения, встречающиеся в летописи Галдана, связаны не с образом мыслей летописца, а с тем, что он использовал и монгольские, и китайские категории

источников, которые несут в себе совершенно разные по содержанию положения. В частности, Дж. Флэтчер доказал, что Галдан наряду с упоминавшимися выше монгольскими летописями и цинскими официальными документами использовал данные таких источников, как «*iletkel sastir*» (китайская категория источников «бяочжуань» (表传)²², в которых приведены описания биографий монгольских и маньчжурских князей, и *boduly-a-yin debter-üd* (китайская категория источников «фанлюэ» (方略)²³. Учитывая столь значительное разнообразие материалов, положенных в основу «Эрдэнийн эрихэ», американский ученый не посчитал возможным определить, насколько важна и значима эта летопись как исторический источник до тех пор, пока не будут идентифицированы все отрывки, взятые Галданом из других работ. Дж. Флэтчер полагал, что до этого времени «Эрдэнийн эрихэ» в качестве исторического источника необходимо использовать с большой осторожностью [Fletcher, 1962-1963:233].

Значительный вклад в изучение «Эрдэнийн эрихэ» внес японский ученый О. Хироки. Он написал подробную статью, касающуюся структуры и содержания «Эрдэнийн эрихэ» Галдана [Хироки О., 1999]. По скрупулезным подсчетам, осуществленным японским автором, «Эрдэнийн эрихэ» на 71, 3 % состоит из описания истории маньчжурского периода, 10, 2 % летописи посвящены событиям исторического периода, который начинается эпохой Чингисхана и длится вплоть до установления в Монголии маньчжурского господства, а 18, 5 % содержат сюжеты, связанные с историей Индии и Тибета. В итоге тщательного исследования приведенных в «Эрдэнийн эрихэ» сведений о происхождении

²² Речь идет об упоминавшемся выше жанре биографических описаний, по-монгольски именуемых «*Илэтхэл шастир*».

²³ *bodoly-a – yin bicig* (маньч. *bodolyon-i bitxe*). Дж. Флэтчер сообщает, что данную категорию источников можно отнести к официальным китайско-маньчжурским историческим сочинениям. Этот жанр государственного историописания появляется в конце XVII века. «Фанлюэ» составлялись под эгидой государственной канцелярии созданными специально для этого группами сановников и ученых. Специальное учреждение для составления трудов подобного жанра впервые было создано в 1749 г. [Fletcher., 1962-1963:233; Доронин, 1988:82-84, 166].

халхаских знатных родов, о Джэбдзундамба-хутухтах об *ургинских амбаниях*²⁴ и о крепости Кобдо. О. Хироки определил, что для автора этого сочинения в истории маньчжурского периода главным было изложение истории Халхи в целом, а не описание истории знатных княжеских родов, принадлежавших к Тушетуханскому аймаку. С выводами О. Хироки трудно не согласиться, если учесть то обстоятельство, что Галдан не привел никаких сведений о правителях своего родного хошуна, в котором он к тому же занимал высокий административный пост. Ко времени, когда работа над текстом «Эрдэнийн эрихэ» была завершена (в двадцать первом году правления под девизом Даогуан или в 1841 г.), хошуном, где жил автор интересующей нас летописи, правил владетельный князь Балдардорж. Однако Галдан в своем сочинении ничего не сообщает о том, что Балдардорж унаследовал титул дзасак улсын туше-гуна [Хироки, 1999:10]. По этой причине японский ученый считает явным преувеличением суждения о том, что «Эрдэнийн эрихэ» представляет собой всеобщий обзор халхаской истории. Также О. Хироки установил, что Галдан в своем сочинении не прибегал к тем способам описания княжеских родословных, которые традиционно использовались в других более ранних монгольских летописях. Японский исследователь полагает, что преемственность монгольских княжеских фамилий описана Галданом с точки зрения цинских понятий о «внешних монгольских и мусульманских уделах» или о «вайфань» (外藩, «внешних вассальных территориях»). Именно поэтому в «Эрдэнийн эрихэ» как часть Цинского государства были отмечены в том числе и «хотонские аймаки» (т.е. территории с мусульманским населением). В

²⁴ Должность *амбана в Урге* (или в Да Хурээ) была учреждена в 1751 г. указом императора Цяньлуна. Ей соответствовал официальный титул «назначенный высочайшим указом полномочный сановник, имеющий место пребывания в Да Хурээ» (кит.: 钦定库伦办事大臣, монг.: jarliy-iyar jaruγsan küriyen-dür sayju kereg siügegçi sayid). Первоначально этот титул присваивался двум сановникам — монголу, который назначался из числа высокопоставленных халхаских владетельных князей, и маньчжуру. До 1761 г. старшим из них считался первый но затем приоритет в принятии решений был отдан последнему [Содномдагва, 1961. С. 33, 34]. Что касается монгольского сановника, то он с этого времени стал именоваться помощником амбана (kebei amban или 帮办大臣). При этом его монгольский официальный титул был сохранен в прежнем виде. Изначально ургинскому наместнику был поручен надзор за состоянием дел в монастырях Джэбдзундамба-хутухты, затем в его подчинение были переданы Тушэтуханский и Сэцэнханский аймаки Халхи, ранее находившиеся в ведении улясутайского наместника [Насанбалжир, 1963:127; Горохова, 1980:40].

результате этого в сочинение Галдана вошли описания генеалогии мусульманских и тибетских правителей [Хироки, 1999:15-17].

В 1990 г. ученый из Внутренней Монголии Ардаажав переиздал текст летописи «Эрдэнийн эрихэ», опубликованной Ц. Насанбалжиром в 1960 г., при этом снабдив его собственными комментариями. Ардаажав разделил текст летописи на пять глав и двадцать четыре раздела, внутри которых ввел деление на параграфы [Ардаажав, 1990]. Существует и второе, дополненное и исправленное издание «Эрдэнийн эрихэ», выполненное тем же исследователем в 2012 г [Ардаажав, 2012].

Нельзя обойти вниманием и публикацию текста «Эрдэнийн эрихэ» на кириллической графике современного монгольского языка, выполненную под редакцией профессоров А. Цанжида и Ш. Чоймы. Ж. Гэрэлбадрах, Д. Бүдсүрэн и П. Бямбахорол подготовили вводный раздел и комментарий к данной публикации [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол , 2006]. Как уже говорилось, именно это издание было использовано нами как основа для перевода на русский язык ряда фрагментов «Эрдэнийн эрихэ», посвященных событиям, происходившим в Монголии в XVIII в.

В заключение следует отметить, что при наличии нескольких публикаций оригинального монгольского текста «Эрдэнийн эрихэ», в современном монголоведении до сих пор отсутствует сколько-нибудь полный и академически достоверный перевод этого текста на основные европейские языки. Русский язык в этом смысле не является исключением, поскольку А. М. Позднеев перевел лишь фрагмент летописи, описывающий ход монгольской истории с 1636 по 1736 г. Что касается перевода «Эрдэнийн эрихэ», выполненного П. Б. Балданжаповым, то и он самим автором не рассматривался как законченная работа [Балданжапов, Ванчикова, 2012:16]. В соответствии с изложенными обстоятельствами в отечественном (как, впрочем, и в зарубежном) монголоведении до сих пор не завершена работа по составлению полных и академически точных комментариев к тексту «Эрдэнийн эрихэ». Помимо этого нельзя не принять во внимание приведенные нами суждения Дж. Флэтчера,

который подчеркивал, что важность «Эрдэнийн эрхэ» для исторической науки невозможно определить до того момента, пока в ее тексте не будут идентифицированы все фрагменты, которые не были написаны самим Галданом. Вместе с тем, современная степень изученности текста интересующей нас летописи не дает оснований полагать, что проблема подобной идентификации утратила актуальность. В связи с упомянутыми обстоятельствами нам кажется, что работу, которая до сих пор велась отечественными и зарубежными историками над исследованием летописи «Эрдэнийн эрхэ», даже и в общих чертах нельзя назвать законченной.

Глава III

Восстания Амурсаны и Чингунжава в летописи «Эрдэнийн эрихэ»

В XVIII в. между империей Цин и Джунгарским ханством развернулась решительная борьба за власть в Центральной Азии [Bawden, 1968:110]. Одним из наиболее ярких ее эпизодов являются антицинские восстания 1755-1758 гг., возглавленные северомонгольским князем Чингунжавом и западномонгольским князем Амурсаной. Главной ареной восстания была территория Западной Монголии – Джунгарии [Демин, 1994:156].

Вполне естественно, что автор «Эрдэнийн эрихэ» не обошел вниманием эти важные события монгольской истории. Той категорией источников, на которых Галдан главным образом мог основываться в описании их причин и исхода, могли быть цинские официальные документы, повествовавшие о начале, развитии и разгроме восстания. Поэтому в своем освещении политических конфликтов, послуживших поводом к выступлению Амурсаны и Чингунжава против властей империи Цин, автор «Эрдэнийн эрихэ» следует логике последних. В подтверждение сказанному приведем выполненный нами перевод фрагмента из его сочинения (см. таблицу в приложении А, столбец 2, строки 1-79).

Безусловно, что приведенные нами суждения Галдана являются важным историческим источником для изучения причин восстания Амурсаны. В этом убеждает анализ современной историографии, посвященной изучению этих событий. Начнем с сообщения Галдана о «явке» хойтского князя Амурсаны к цинскому императору Цяньлуну в 1754 г. Монгольский историк Н. Ишжамц, который написал свою работу «Из истории борьбы монгольского народа за независимость в XVIII веке», основываясь на материалах Китайского Государственного архива в Пекине и Монгольского Государственного архива в Улан-Баторе, сообщает о том, что 25 августа 1754 г. хойтский князь Амурсана, который прежде в числе прочих джунгарских князей активно боролся против

империи Цин, вместе со своими 20 тыс. подданных сдался ее властям [Ишжамц, 1962:24]. Далее монгольский историк упоминает о том, что император Цяньлун хорошо принял перебежчиков, пожаловал Амурсане титул хошой цинь-вана (князя первой степени), и отправил его вместе с маньчжурским военачальником Банди, командовавшим цинской армией, действовавшей против ойратов, воевать с Джунгарским ханством [Ишжамц, 1962:24]. Отечественный исследователь И. Я. Златкин, основываясь на данных факсимиле «Зенгорские дела» архива внешней политики России, также упоминает об этом событии и при этом приводит сведения о том, что китайские власти позволили перебежчикам кочевать в районе р. Орхон, которая протекает близ монастыря Эрдэни-дзу [Златкин, 1958: 295].

Таким образом, отечественные и монгольские историки, изучавшие рассматриваемые нами события в середине и второй половине XX в, основываясь на широком круге разнообразных источников, подтверждают приведенную Галданом датировку перехода Амурсаны на сторону цинских властей. Вместе с тем изложенная в «Эрдэнийн эрихэ» версия о добровольной явке хойтского предводителя к цинскому императору нуждается в дополнительном изучении и комментировании. Оценивая важность этих событий для развития политической ситуации в ойратских кочевьях, отечественная исследовательница Г.С. Горохова полагала, что поводом для активного вмешательства цинского правительства в джунгарские дела стал переход Амурсаны в маньчжурское подданство и его просьба оказать ему поддержку в борьбе за ханский престол [Горохова, 1980:104].

Существовало несколько причин, по которым Амурсана перешел на сторону маньчжур. К числу этих причин, вероятно, относились властные амбиции хойтского правителя, приведшие его к участию в борьбе за Джунгарский престол, а также интриги цинских властей, обещавших Амурсане помощь в обретении статуса правителя всех ойратских племен. Это подтверждают современные исторические работы. Отечественный исследователь И. Я. Златкин считал, что Амурсана планировал с помощью

цинского правительства стать всеойратским ханом и поэтому просил оказать ему военную помощь для борьбы против Давацы [Златкин, 1983:289, 294]. Из материалов архива внешней политики России, приведенных В.А. Моисеевым в работе «Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке», также следует, что император Цяньлун в случае победы над противостоящими империи Цин силами ойратов обещал, что ханский престол в Джунгарии будет передан Амурсане. Это подтвердил бежавший в Россию сподвижник последнего зайсан Хорхой-Дондук, который в коллегии иностранных дел поведал о том, что Амурсана «имел обнадеживание от китайского богдыхана известия по покорении Зенгории ученным быть главным владельцем в Зенгории» [Моисеев, 1998:150].

Сведения, приведенные в работе Н. Ишжамца указывают на то, что Амурсана был амбициозным политическим лидером, стремившимся стать Джунгарским правителем. Упомянутый исследователь писал: «Изначально Амурсана вместе с ханом Давацы боролся за власть и активно помогал ему стать ханом. Однако вскоре между ними возникли разногласия, которые в результате переросли в кровопролитную борьбу за Джунгарский престол» [Ишжамц, 1962:24].

Если теперь вернуться к вопросу о том, как в исследуемой нами летописи трактуются события, связанные с переходом Амурсаны на сторону цинских властей, то первое, на что, с нашей точки зрения, следует обратить внимание, это очевидная краткость и официальная строгость формулировок, использованных Галданом при описании столь важных исторических явлений. Авторы известных нам современных исторических работ высказывают сходные суждения о том, что военная и политическая поддержка, которую племенной союз хойтов во главе с Амурсаной оказал наступлению, развернутому империей Цин на Джунгарское ханство, стала одним из важных факторов, приведших последнее к разгрому и гибели [Горохова, 1980:105; Bawden, 1968:13]. Вместе с тем, автор «Эрдэнийн эрихэ» лишь сухо констатирует факт перехода Амурсаны под власть императора Цяньлуна и оставляет эти

безусловно важные события без сколько-нибудь подробного описания и без комментариев. Подобная краткость формулировок очевидно контрастирует с подробным и пространным изложением истории о бегстве Амурсаны от цинских властей, которое, как явствует из рассматриваемого нами фрагмента летописи, помещено ее автором сразу вслед за указанием на то, что хойтский князь перешел на сторону маньчжурской династии (см. таблицу в приложении А, столбец 2, строки 4-30) . По нашему мнению, такие особенности содержания «Эрдэнийн эрхэ» не могут быть случайными. Следует вновь упомянуть о том, что многие годы своей жизни Галдан посвятил службе в административном аппарате, созданном империей Цин для управления Монголией. Это обстоятельство не могло не наложить отпечаток на его мировоззрение, в том числе и на подход к столь сложным и драматическим событиям прошлого, как восстание Амурсаны. При этом в оценке личности последнего и в описании его деятельности Галдан основывался на многочисленных официальных цинских документах. К ним он наверняка имел доступ, будучи хошунным чиновником высокого ранга, который кроме исполнения своих основных должностных обязанностей периодически находился на очередной службе в Улясутае в административном аппарате, подчиненном тамошнему генерал-губернатору. Очевидно, что и в рассматриваемом нами случае автор «Эрдэнийн эрхэ» основывался на материалах, хранившихся в канцелярском архиве одного из тех ведомств, где он служил. Заимствованные из них формулировки были положены Галданом в основу описания причин восстания, поднятого Амурсаной. Поэтому монгольский летописец прежде всего подробно и обстоятельно осветил те события, которые в указах цинского императора Цяньлуна рассматривались как подтверждение версии о «двуличии» Амурсаны и о его «склонности к предательству». Именно близость суждений Галдана к официальным цинским оценкам причин восстания Амурсаны определила содержание приведенного нами фрагмента «Эрдэнийн эрхэ». В нем измене хойтского правителя цинскому императору придано очевидно первостепенное значение в ущерб описанию, казалось бы, объективно не менее значимых

исторических фактов, к которым, в частности, относится переход хойтского правителя на сторону маньчжурской династии.

Теперь обратимся к сообщению Галдана о событиях 1755 г., связанных с поимкой цинскими властями ойратского Давац-хана. Это сообщение, так же как и описание причин восстания Амурсаны, содержится в приведенном нами фрагменте «Эрдэнийн эрхэ» (см. таблицу в приложении А, столбец 2, строки 2-4). Арест хана Давац, одного из главных претендентов на ойратский престол, стал важной вехой в истории разгрома и гибели Джунгарского ханства под ударами цинских войск. Вместе с тем, описывая факт пленения Давац, Галдан, как и при упоминании о переходе Амурсаны на сторону цинских властей, ограничился лишь кратким упоминанием о произошедшем (см. таблицу в приложении А, столбец 2, строки 2-4). В связи с этим судьба хана Давац в контексте событий, происходивших вокруг Джунгарского ханства в середине 1750-х гг., нуждается в дополнительных комментариях.

Прежде всего следует упомянуть о том, что между переходом Амурсаны в маньчжурское подданство и поимкой Давац-хана цинским правительством была проведена подготовка к очередной войне с Джунгарией. [Горохова, 1980:104]. В. А. Моисеев сообщает, что цинская армия во время этого военного похода была разделена на две колонны: из Баркуля выступало войско под командованием Юн Чана, а войско под командованием Банди выступило из Улясутая. Амурсана, получивший степень *цин-вана*²⁵, при этом был назначен начальником авангарда северной колонны цинских войск, двигавшихся из Халхи. Командование авангардом южной колонны было вверено ойратскому князю Сааралу. Согласно показаниям русских источников, численность цинских войск составляла 170-200 тысяч человек [Моисеев, 1998:151]. В распоряжении Давац была лишь 30-тысячная армия [Моисеев, 1998:152]. Таким образом, цинские власти располагали значительно более крупными

²⁵ *Цин-ван* в установленной цинскими властями иерархии монгольских аристократических титулов - князь первой степени.

воинскими контингентами, чем противостоявший им ойратский хан Давац. К тому же, как уже говорилось, на сторону маньчжур перешел ряд ойратских князей, самым влиятельным и могущественным из которых был Амурсана. Тем самым, военное поражение ойратов, во главе которых стоял Давац-хан, было во многом предрешено.

Что касается истории о том, как последний попал в плен к цинским войскам, то она подробно изложена в целом ряде современных исторических исследований. Автор одного из них монгольский историк Н. Ишжамц в изучении интересующих нас событий опирался на материалы из монгольских и китайских архивов. Описывая пленение Даваца, этот автор пришел к следующему выводу: «В марте и апреле 1755 г. маньчжурские власти продвигали свои войска в северном и западном направлениях во главе с главнокомандующим Банди. В июле того же года Джунгарский Хан Даваач (Давац. – А.Т.) был схвачен, и маньчжуры овладели Западной Монголией» [Ишжамц, 1962:24]. В русских архивных материалах, к которым обращался В.А. Моисеев, по интересующему нас поводу приведены более подробные сведения. Из этих источников названный автор почерпнул известия о том, что Давац был схвачен и выдан цинским властям его противником в борьбе за джунгарский престол хойтским правителем Амурсаной. Повествуя об этих событиях, В.А. Моисеев пишет: «В районе р. Или 30-тысячная армия Даваца в трехдневном сражении была разбита. Хан бежал по одним данным в Уч-Турфан, по другим – в Аксу. Посланная Амурсаной погоня схватила его и доставила в Пекин» [Моисеев, 1998:152]. В работе И. Я. Златкина «Русские архивные материалы об Амурсане» содержится датировка ареста Даваца, не совпадающая с данными, приведенными монгольским исследователем Н. Ишжамцем. И.Я. Златкин сообщает: «13 июня штаб генерала Баньди получил от Амурсаны донесение о поимке Даваца, который вскоре под усиленным конвоем был отправлен в Пекин» [Златкин, 1958:298].

Теперь обратимся к тому, как Галдан описывает события, последовавшие за поражением Даваца. Во фрагменте «Эрдэнийн эрихэ», который мы

разбираем в настоящей главе, об этих событиях сказано следующее: «После того, как Давац хан был схвачен, Амурсана, желая обманным путем занять территорию Или, обратился на высочайшее имя с докладом, в котором, проявляя хитрость и лукавство, просил о пожаловании ему ханского титула» (см. таблицу в приложении А, столбец 2, строки 9-12). При этом в известных нам работах современных исследователей по непонятным причинам нет никаких сведений об упомянутом Галданом докладе Амурсаны императору Цяньлуну.

Если вернуться к тексту «Эрдэнийн эрихэ», то в нем сразу после сообщения о поимке Давац приведены данные о том, что схвативший его Амурсана получил от цинских властей назначение на высокую административную должность. Вместе с тем в русле свойственного ему негативного подхода к оценке личных качеств хойтского правителя, Галдан дает этим событиям следующую характеристику: «Склонный к измене Амурсана, который в дальнейшем встал во главе восстания мятежников, был направлен служить *помощником главнокомандующего западным направлением, устанавливающим спокойствие на северных границах*» (см. таблицу в приложении А, столбец 2, строки 4-8).²⁶ Постараемся прокомментировать приведенное суждение монгольского летописца.

Авторы современных исторических исследований, обладающие широким аналитическим инструментарием и опирающиеся на разнообразные источники, дают развернутое описание политических событий, послуживших поводом к конфликту между цинскими властями и Амурсаной. Анализ результатов этих исследований позволяет утверждать, что излагаемая Галданом цинская официальная версия о двуличии Амурсаны и его склонности к предательству, в сравнении с нынешним уровнем академических познаний об интересующем нас

²⁶ Заметим, что в переводе данного фрагмента, выполненного П.Б. Балданжаповым, как нам кажется, существуют некоторые неточности: «Предводитель мятежников Амурсана был ранее направлен помощником командующего восточной стороны по установлению границ северной дороги» [Балданжапов, Ванчикова 2012:220]. Здесь неточно указано название должности Амурсаны.

предмете, не может претендовать на объективное и всестороннее объяснение истинных причин упомянутого конфликта.

Многие историки, изучавшие обстоятельства, сопутствовавшие переходу Амурсаны в стан противников империи Цин, отмечают, что хойтский князь остался недоволен тем, как имперские власти оценили его помощь в борьбе с Давази. Скорее всего Амурсана полагал, что в качестве воздаяния за заслуги перед маньчжурской династией он получит от императора Цяньлуна ханский титул и инвеституру власти над всем Джунгарским ханством. Вместе с тем у пекинских административных инстанций были иные представления о том, как следует устроить систему управления разгромленным ими ойратским государством. Отечественная исследовательница Г. С. Горохова отмечала, что после гибели Джунгарского ханства и последовавшей в стране реорганизации (на территории ханства были образованы четыре самостоятельных княжества: Дэрбэд, Хойт, Хошут и Чорос) Амурсана понял, что цины обманули его [Горохова, 1980: 105]. Западные исследователи Ч. Бауден и К. Атвуд также повествуют о том, что хойтский правитель не скрывал своих амбиций, желал получить в награду верховную власть над Джунгарией и остался недоволен тем, что цинские власти наделили его всего лишь титулом хойтского князя [Bawden, 1968:116; Atwood, 2004:13].

В рассматриваемом нами фрагменте «Эрдэнийн эрхэ» обращает на себя внимание подробное и детальное описание обстоятельств отказа Амурсаны от исполнения военно-административных обязанностей, возложенных на него императором Цяньлуном (см. таблицу в приложении А, столбец 2, строки 4-30). Равным образом в исследуемой нами монгольской летописи пространно изложена история бегства Амурсаны от цинь-вана Эричиндоржа и прочих надзиравших за ним цинских сановников (см. таблицу в приложении А, столбец 2, строки 9-32). В изложении Галдана эта история представляет собой подтверждение известной нам цинской версии о том, что главными свойствами характера Амурсаны были двуличие, лживость и склонность к измене собственным клятвам.

Вместе с тем, в современных исторических исследованиях приведен широкий набор разносторонних сведений об этих событиях, позволяющих по-иному оценить их действительные причины и последствия для развития политической ситуации в Западной Монголии в середине и второй половине 50-х гг. XVIII в. Прежде всего обратимся к работе В.А. Моисеева. По сообщениям этого автора, верховные цинские власти в начале лета 1755 г. существенно скорректировали свои прежние планы привлечь Амурсану к участию в административных структурах, создаваемых ими на месте разгромленного Джунгарского ханства. Поводом к таким переменам стали дошедшие до императора Цяньлуна сведения о тайных намерениях Амурсаны занять ханский престол в Джунгарии. Как сообщает В.А. Моисеев, разгневанный император отправил маньчжурскому военачальнику Банди, командовавшему цинскими войсками в Западной Монголии, секретный приказ о том, чтобы тот организовал отъезд Амурсаны в Пекин, а при невозможности выполнить это задание – казнил хойтского князя. По версии упомянутого отечественного историка, Банди не решился убить Амурсану и под предлогом необходимости его присутствия на торжествах в Пекине по случаю покорения Джунгарии отправил его под конвоем в столицу в сопровождении халхаского князя Эринчина [Моисеев, 1998:153]. Как уже говорилось выше, история о том, как последний упустил хойтского князя из-под своего надзора, подробно описана в рассматриваемом нами фрагменте текста «Эрдэнийн эрихэ».

Монгольский историк Н. Ишжамц упомянул о том, что в момент, когда император Цяньлун послал Амурсану вместе с главнокомандующим войском Банди воевать с джунгарами, он велел своему зятю хорчинскому князю Сэвдэнбалжиру постоянно следовать за ним, поскольку не доверял ему [Ишжамц, 1962:24]. Из описанных обстоятельств явствует, что верховные власти Империи Цин, несмотря на демонстрируемую ими внешне склонность к покровительству Амурсане и к поощрению его участия в разгроме Джунгарского ханства, на деле в отношениях с этим ойратским лидером

проявляли настороженность и подозрительность. Нельзя не отметить, что для таких подозрений у них имелись веские основания.

Весьма важные сведения, проливающие свет на причины конфликта Амурсаны с цинскими властями, приведены монгольским историком Ш. Нацагдоржем. Этот исследователь полагал, что Амурсана проявлял свой мятежный характер еще во время службы в маньчжурском войске и уже в тот момент задумал поднять антицинское восстание. В частности, Нацагдорж писал: «Когда Чингунжав и Амурсана служили в маньчжурских войсках, они обратились к хорчинскому вану Сэвдэнбалжиру и к Цэвдэнжаву, который был вторым сыном *халхаского нойона эфу Цэрэна*²⁷ (курсив наш. – А.Т.), и призвали обоих последних к тому, чтобы объединить силы ойратов и халха-монголов, обсуждали с ними возможность воссоздания прежнего независимого монгольского государства и отделения от маньчжуров. Хорчинский ван Сэвдэнбалжир тотчас одобрил эту инициативу, а Цэвдэнжав ее не поддержал и тайно поведал цинскому военачальнику Баньди о том, что Амурсана и Чингунжав собираются совершить предательство. Поэтому командующий маньчжурской армией решил разобщить Чингунжава и Амурсану и разделить их силы. Чингунжав вместе с Цэнгунжавом были направлены в район р. Хотан, где им было приказано возглавить урянхайское ополчение, а Сэвдэнбалжир был срочно вызван в Пекин» [Нацагдорж, 1963:208-209].

Следует вновь обратиться к исследуемой нами летописи. Как отмечалось выше, для сопровождения Амурсаны и его брата Чимгура, которые направлялись на аудиенцию к императору Цяньлуну, был направлен халхаский князь Эринчиндорж. Далее в «Эрдэнийн эрихэ» говорится: «Чимгур, зная о мятежном характере Амурсаны, предложил Эринчиндорджу вместе схватить его, но Эринчиндордж не дал согласия. После того, как они достигли

²⁷ *Эфу Цэрэн* - халхаский князь, который в 1733 г. указом императора Цяньлуна был назначен цинским генерал-губернатором (или цзяньцзюнем) в Улясутае.

окрестностей *Урунгу*²⁸, Амурсана отдал Эринчиндорджу печать помощника главнокомандующего западным направлением, устанавливающего спокойствие на северных границах, и при этом сообщил Эринчиндорджу, что он направляется в свои кочевья для доставки необходимой ему поклажи. *Таким образом он обманул Эринчиндорджа и в спешке покинул местность в окрестностях Черного Иртыша. На следующий день Эринчиндорж преследовал Амурсану, но не мог его догнать*»²⁹ (курсив наш. – А.Т. См. таблицу в приложении А, столбец 2, строки 28-32).

Обратимся к западным и отечественным исследованиям, чтобы прокомментировать изложенные выше события. Ч. Бауден, повествуя о побеге Амурсаны, предполагает, что Чингунжав предупредил Амурсану о том, что Банди, из войск которого для сопровождения Амурсаны был послан Эринчиндорж, подозревал, что они собираются поднять восстание, и, скорее всего, именно по той причине Амурсана ускользнул от своей охраны еще на пути к императорскому двору. Следует отметить, что Эринчиндорж был братом Джэбдзундамба-хутухты и сыном *Дондобдоржа*³⁰, вероятнее всего не от его второй жены Баярт, которая происходила из хойтского племени и была матерью Джэбдзундамба-хутухты, а от первой жены Гинггун Элхэ, приходившейся дочерью императора Канси [Bawden, 1968:117].

Упомянутый британский ученый также приводит сведения о том, что в качестве причины своего отъезда из расположения цинских войск Амурсана

²⁸ Река *Урунгу* (乌伦古河 - название, принятое на территории Китая, Булган-гол – название, принятое на территории Монголии). Протекает по Монгольскому Алтаю и его предгорьям на Западе Монголии. Является одной из крупнейших рек Западной Монголии. Свои истоки берет в аймаке Баян-Улгий, затем протекает через аймак Ховд, после чего покидает территорию Монголии и далее протекает по Синьцзян-Уйгурскому автономному району Китая.

²⁹ В переводе данного фрагмента, выполненном П.Б. Балданжаповым, как нам кажется, существуют некоторые неточности. Названный автор следующим образом формулирует его содержание: «Достигнув местности Урунгу, Амурсана, отдав Ринчин-Дорджи печать помощника командующего восточной стороны по установлению границ северной дороги, сказав, что направляется в свои кочевья для доставки обоза, обманув таким образом, поспешно бежал с реки Эрчис» [Балданжапов, Ванчикова 2012:220-221]. Помимо неточно названной должности Амурсаны, П.Б. Балданжапов привел только монгольское название реки, не сопроводив его указанием на принятое в русскоязычной топонимике название «Черный Иртыш».

³⁰ Мы предполагаем, что речь идет о халхаском *тушэту-хане Дондовдорже*, внуке тушэту-хана Чахундоржа, унаследовавшем ханский титул после смерти деда в 1698 г. В 1697 г. Дондовдорж женился на Тумэн-Хичиенгуй, дочери маньчжурского императора Канси (1662-1722) и получил титул князя первой степени по маньчжурскому табелю о рангах (хошой цинь-ван эфу) [Халха Джирум, 1965:100].

назвал желание навестить свою жену и семью, а также сообщил, что по этой причине он позже присоединится к свите, направляющейся к императорскому двору. Эринчиндорж не выразил никаких возражений и позволил Амурсане отъехать с тремястами джунгарских солдат [Bawden, 1968:117]. В исследовании И. Я. Златкина приводятся несколько иные сведения. Согласно русским архивным материалам, в сентябре 1755 г. Амурсана «отложился от китайского подданства» и в сопровождении пятисот человек вернулся в Джунгарию [Златкин, 1958:301]. Помимо того, согласно русским источникам, сообщения которых приводит В.А. Моисеев, среди сподвижников Амурсаны были его брат Банчжур, а также зайсаны Басутай, Эсугар и др [Моисеев, 1998:153].

И. Я. Златкин повествует о том, что бегство Амурсаны вызвало в Пекине сильный переполох, а император Цяньлун пришел в бешенство и вновь призвал в армию ранее демобилизованных по его приказу воинов [Златкин, 1958:301]. После бегства Амурсаны император действительно разгневался, поспешил наказать виновных и издал указ, текст которого Галдан почти дословно включил в свою летопись «Эрдэнийн эрихэ» (см. таблицу в приложении А, столбец 2, строки 43-77).

В своем указе император Цяньлун в стилистике, свойственной подобным официальным документам, подробно описал события, предшествовавшие изъятию его «высочайшей воли». В интересующем нас случае речь идет о действиях халхаского цинь-вана Эринчиндоржа, который, как уже говорилось выше, был приставлен верховными цинскими властями для надзора за «неблагонадежным» Амурсаной. Крайним проявлением небрежного отношения халхаского князя к возложенным на него обязанностям император счел невнимание, проявленное Эринчиндоржем к сообщению о готовности Амурсаны к побегу, полученному от Чимгура, который приходился Амурсане братом (см. таблицу в приложении А, столбец 2, строки 47-54). По-видимому, этот фрагмент был вполне осознанно включен в императорский указ, адресованный в первую очередь монголам. Для последних традиционно (и в XVIII в. в этом смысле не был исключением) чрезвычайно важны были

братские родственные связи. Упомянув об истории с Чимгуром и Амурсаной император, скорее всего, стремился привлечь внимание подвластных ему монгольских князей к примеру верности и честности, проявленной по отношению к цинской династии первым, и к образцу склонности к предательству (в том числе в отношении собственного старшего брата) и к клятвопреступлению, продемонстрированной последним.

Что касается поведения Эринчиндоржа, то негодование императора вызвал его отказ от предложения Чимгура схватить Амурсану. Ч. Бауден повествуя об этих событиях, ссылается на работу монгольского исследователя *Чимэда «Национально-освободительная борьба в Северной Монголии, возглавляемая Чингунжавом»*³¹ [Чимэд, 1963]. При этом британский историк пишет о том, что Эринчиндоржа обвинили не в организации побега Амурсаны, а в потворстве ему. Упомянутый исследователь полагает, что даже если Эринчиндорж и не помогал Амурсане активно, он все же не раз игнорировал предупреждения о том, что хойтский правитель попытается совершить попытку побега. Два князя из свиты, членам которой было велено охранять Амурсану, предупреждали Эринчиндоржа о своих подозрениях на счет того, что Амурсана может совершить побег. Но Эринчиндорж не попытался предпринять никаких действий, сославшись на то, что Амурсана был князем первого ранга и получал двойное жалование [Bawden, 1968:117]. Особенный гнев Цяньлуна вызывали именно такие мотивы, приведенные халхаским князем в обоснование его нежелания арестовать мятежного хойтского правителя. Апелляцию Эринчиндоржа к тому, что его собственный титул ниже аристократического ранга, которым обладает Амурсана, император назвал нелепой (см. таблицу в приложении А, столбец 2, строки 54-56).

³¹ Чимэд. «Чингунжаваар удирдуулсан Ар Монгол дахь тусгар тогтнолын тэмцэл» Уланбаатар, 1963. Доступ к этой монографии Ч. Бауден, по-видимому, получил в ходе работы в фондах монгольских книгохранилищ. В петербургских библиотеках нам ее обнаружить не удалось. Равным образом текст упомянутой монографии оказался недоступен и в электронных информационных ресурсах.

Данный сюжет, также как и история о «братских» взаимоотношениях Амурсаны и Чимгура, вполне вероятно, был в подробностях включен в текст императорского указа с вполне определенными назидательными целями. Порицая Эринчиндоржа за неуместный, с точки зрения государственных интересов, пиетет перед исконной степной родовитостью и знатностью, император, вполне вероятно, в числе прочих задач, решению которых был посвящен рассматриваемый указ, стремился внушить своим монгольским вассалам понимание абсолютного примата интересов имперских властей над традиционными правилами и обычаями взаимоотношений между представителями степной аристократии. В том, что подобный подход был одной из основ политики имперских властей в сфере управления монголами, убеждает, например, административная реформа, проведенная в Северной Монголии в 20-е – 30-е гг. XVIII в. В результате этих преобразований наиболее родовитые северо-монгольские князья – халхаские ханы были лишены сформировавшихся «от века» прав на управление аймаками и утратили статус наследственных старшин над сеймами северо-монгольской кочевой аристократии [Горохова, 1980:33].

Что касается Эринчиндоржа, то совершенный им проступок в глазах императора Цяньлуна исключал иное воздаяние, кроме смертной казни. Эринчиндорж, безусловно, был виновен в нарушении своих служебных обязанностей, если не в государственной измене, и был доставлен в Пекин, где его допросил сам император. Казнили халхаского князя весной 1756 г. Существуют разные мнения о том, заставили ли Джэбдзундамба-хутухту, который в тот момент находился в Пекине, наблюдать за казнью брата или же позвали посмотреть на его труп [Bawden, 1968:117; Kaplonski, 1993:239]. При этом обращает на себя внимание тот факт, что цинский монарх освободил от наказания родственников Эринчиндоржа, «памятуя о заслугах и усердии в государственных делах, явленных его предками». По нашему мнению, это

могло быть связано в том числе и с тем, что *матерью Эринчиндоржа, как мы раньше упомянули, была дочь императора Канси*³².

С нашей точки зрения, рассмотренный нами фрагмент «Эрдэнийн эрихэ», повествующий о восстании Амурсаны, может служить одним из очевидных подтверждений непреходящего значения этой летописи как исторического источника, в том числе и для современной исторической науки. Рассказанная Галданом история бегства Амурсаны из цинской армии и приведенный летописцем указ императора Цяньлуна о наказании виновного в потворстве побегу халхаского князя Эринчиндоржа, безусловно, являются объективными свидетельствами, характеризующими как причины антицинского восстания, во главе которого встал хойтский предводитель, так и пружины монгольской политики цинских властей в середине XVIII в.

Описание восстания Амурсаны является важной, существенной, но далеко не единственной сюжетной линией, выстроенной Галданом при освещении событий, сопутствовавших разгрому и гибели Джунгарского ханства. Большое внимание в отмеченном нами контексте монгольский летописец посвятил и другому крупному и известному антицинскому восстанию, которое произошло в Северной Монголии почти одновременно с выступлением Амурсаны в Джунгарии. Халхаское восстание возглавил здешний князь Чингунжав, судьбе

³² Приведем нашу версию перевода этого отрывка летописи: «...Что же произошло на самом деле? Стоит ли еще раз задаваться вопросом, о том, что же [Эринчиндорж] думал, тогда как подобные его помыслы привели к означенному воспрепятствованию и умедлению [в исполнении важнейшего государственного дела]? По сим причинам, определяя степень вины Эринчиндоржа, следует заключить, что он не должен избежать наказания. Однако же, памятуя о заслугах и усердии в государственных делах, явленных его предками, и вместе с тем полагая, что сам он не должен избежать смертной казни, я милостиво повелеваю лишить жизни самого Эринчиндоржа [избавив от наказаний его родственников]» (см. таблицу в приложении А, столбец 2, строки 65-76). Теперь обратимся к переводу, выполненному П.Б. Балданжаповым: «...В чем причина этого дела? Надо спросить у [Эринчин-Доржи], почему так произошло, не умышленно ли дал ему возможность убежать? Если это так, то его нельзя оправдать. Однако, помня о заслугах его отца и деда, я не могу подвергнуть его смертной казни, поэтому милостиво дам возможность ему самому себя наказать» [Балданжапов, Ванчикова 2012:221]. Приведенный П.Б. Балданжаповым перевод финальной фразы вызывает у нас некоторые сомнения. Император, с учетом тяжести проступка, совершенного Эринчиндоржем, вряд ли мог предоставить последнему возможность наказать самого себя. Вместе с тем, в соответствии с цинским законодательством, за тяжкие государственные преступления, подобные проступку Эринчиндоржа, наказанию подвергались не только совершившие их правонарушители, но и их ближайшие родственники [Бичурин, 1828 Т.2:311]. Поэтому в императорском указе речь, скорее всего, идет о том, что Цяньлун в виде «особой милости» намеревался освободить от наказания родственников Эринчиндоржа, а не позволить ему самому квалифицировать собственный проступок.

которого Галдан уделил, пожалуй, столь же пристальное внимание, как и упомянутым выше деяниям хойтского Амурсаны (см. таблицу приложения В, столбец 2, строки 1-176).

Из рассматриваемого нами фрагмента «Эрдэнийн эрхэ» явствует, что описание событий халхаского восстания Галдан начинает с краткого сообщения о том, что в 1756 г. Чингунжав «совершил предательство» (см. таблицу в приложении В, столбец 2, строки 1-5). Очевидно, что понимание смысла и значения этого сообщения в общем контексте повествования монгольского летописца о восстании Чингунжава возможно лишь при условии его анализа и комментирования упомянутых в нем исторических явлений. Подспорьем, позволяющим выполнить сформулированные условия, являются академические научные исследования событий, о которых повествует Галдан.

Вначале обратимся к работе К. Каплонски, где говорится следующее: «Чингунжав был лидером племени хотогойтов (ойратского племени в северо-западной Монголии). Несмотря на это, этнически он принадлежал к халха-монголам (которые исторически проживали в центральной и восточной частях современной Монголии). Он вел свое происхождение от Чингисхана» [Kaplonski, 1993:237]. Важные биографические данные о лидере антицинского восстания в Халхе, дополняющие приведенное сообщение Каплонски, собрал Ш. Нацагдорж. Этот монгольский исследователь писал: «Чингунжав был князем из Хотогойтского аймака. Несмотря на то, что Хотогойтский аймак считался частью Дзасактуханского аймака, на самом деле у него было особое положение. В 1737 г. Чингунжав наследовал у своего отца Банди титул управляющего хошуном бэйлэ (монг.: төрийн бэйлэ. – А.Т.) и стал управлять Хотогойтским аймаком. Среди хойтов, которыми управлял Чингунжав, были представители шести племен, а именно большие хотогойты, малые хотогойты, мянганы, халиучины и тогос шичинуды» [Нацагдорж, 1963:208].

Ш. Нацагдорж также отметил, что в тот момент, когда в конце весны 1755 г. цинская армия сражалась в Или с ойратским ханом Давацзи, Чингунжав находился в составе маньчжурских войск северного направления. При этом, по

мнению упомянутого монгольского автора, Чингунжав обрел возможность постоянного общения с Амурсаной. «С каждым днем, - пишет Ш. Нацагдорж, - они все больше и больше сближались, повествуя друг другу о своей ненависти по отношению к маньчжурской династии, и решили объединить силы против нее» [Нацагдорж, 1963:208].

Сообщая о дальнейшем развитии событий, авторы использованных мной исторических исследований единодушно указывают на то, что в середине лета 1756 г. Чингунжав самостоятельно и без необходимого в таком случае разрешения пекинских административных инстанций покинул ряды маньчжурской армии, в составе которой он занимал высокую командную должность. При этом хойтский князь увел за собой подчиненные ему халхаские войска. Вернувшись в свои родные хойтские кочевья, он начал решительную борьбу против маньчжурской династии. Перед тем, как покинуть расположение цинских войск, Чингунжав направил императору Цяньлуну письмо, в котором обвинил последнего в неоправданных жестокостях по отношению к монголам. В частности мятежный хойтский правитель выразил недовольство тем, что известный нам из предыдущих фрагментов данной главы халхаский князь Эринчиндорж и другой монгольский лидер Дамбаджав были подвергнуты одинаково суровому наказанию за то, что не догнали бежавшего от цинских властей непокорного джунгарского лидера Амурсану и надлежащим образом не доставили его к императорскому двору. Чингунжав в письме изъяснялся настолько резко, что владевший маньчжурским языком секретарь отказался записывать его слова. Тогда Чингунжав сам написал письмо на монгольском, что было исключительным случаем в устоявшейся к тому времени практике составления халхаскими князьями обращений к верховным властями Империи Цин [Atwood, 2004:102; Bawden, 1968:119; Kaplonski, 1993:238; Нацагдорж, 1963:209; Ишжамц, 1962:26]. Ч. Бауден приводит сведения о том, что император отправил Чингунжаву ответ, в котором обосновывались причины принятых решений о наказании тех, кто потворствовал побегу Амурсаны, и

говорилось о том, что наказание Эринчиндоржа является правомерным [Bawden, 1968:119].

Повествуя о причинах, по которым Чингунжав покинул ряды цинской армии, Бауден пишет, что Чингунжав планировал дезертирство задолго до того, как решился на подобный поступок, а казнь Эринчиндоржа и ответ императора лишь послужили для него окончательным поводом [Bawden, 1968:119]. Иное мнение о причинах самовольного ухода Чингунжава из цинской армии, действовавшей против ойратов, приводит монгольский исследователь Н. Ишжамц. Этот автор, вопреки приведенным нами суждениям Ч. Баудена, полагает, что основной причиной, по которой дезертировал Чингунжав, было то, что он намеревался возглавить национально-освободительную борьбу монгольского народа против цинских властей и освободить Монголию от их господства [Ишжамц, 1962:30].

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что отечественные и зарубежные авторы, к работам которых мы обращались, комментируя события, происходившие в ходе восстания Чингунжава, как правило, обращаются к цинским официальным документам из монгольских или китайских архивов и не используют сведения из «Эрдэнийн эрхэ». По нашему мнению, это обстоятельство лишь подчеркивает актуальность дальнейшего продолжения всестороннего источниковедческого изучения исторического сочинения, написанного Галданом.

Следует заметить, что Галдан в подходе к описанию восстания Чингунжава использовал те же повествовательные приемы и методы, что и при изложении уже рассмотренных нами событий, произошедших в Монголии в ходе восстания Амурсаны. И в том, и в другом случае халхаский летописец весьма кратко и сухо сообщает о том, что факты упомянутых мятежей и волнений имели место и далее основное внимание уделяет текстам указов императора Цяньлуна, *post factum* посвященных разбору произошедшего. Мы полагаем, что подобные повествовательные особенности летописи «Эрдэнийн эрхэ» можно объяснить тем, что автор летописи намеренно воздерживался от формулировки

собственных суждений при описании таких событий, как упомянутые восстания. Рассказывать об их ходе и исходе Галдан предпочитал, оперируя формулировками императорских указов, поскольку такой путь, по нашему мнению, позволял монгольскому летописцу избежать многих сложностей и даже опасностей, сопряженных с его литературной деятельностью. Нет сомнений в том, что цинские власти рассматривали восстания Амурсаны и Чингунжава как весьма негативный и заслуживающий всяческого порицания исторический прецедент. Такие воззрения сохранялись в том числе и в первой половине XIX в., в период когда расцвел литературный талант Галдана. Поэтому любые, хотя бы даже в трудноуловимых нюансах противоречившие официальной версии описания или толкования столь драматических событий прошлого, будь они допущены монгольским летописцем, могли принести последнему неприятности, причем в худшем для него случае весьма и весьма существенные. В исследовательской литературе есть достаточно сведений о том, сколь незавидная судьба могла ожидать в империи Цин тех писателей, кто позволял себе отклоняться от норм и правил, действующих в сфере официальной историографии [Доронин, 1988:156]. Учитывая эти обстоятельства, мы можем предположить, что, постоянно цитируя тексты императорских указов, Галдан в числе прочих соображений, которыми он в данном случае руководствовался, мог желать обезопасить себя от каких-либо, пусть даже ненамеренных оговорок, способных поставить под сомнение «государственную» версию излагаемых им событий.

Попытаемся по возможности подробно рассмотреть содержание приведенных Галданом императорских указов. Как обычно, в качестве основы для анализа смысла и значения тех исторических явлений, которым посвящены эти указы, нами будут использованы результаты их изучения в академической историографии. В первую очередь обратим внимание на указ, который был

направлен *Джэбдзундамба-хутухте*³³ 24-го числа девятого месяца двадцать первого года правления под девизом Цяньлун (1756) (см. таблицу в приложении В, столбец 2, строки 5-55). Указ открывает «высочайшее упоминание» о прежних императорских повелениях, изданных с целью уведомить халхаское население о том, что Чингунжав совершил предательство и «неоднократно действовал наперекор» государственным интересам.

По нашему мнению, в рассматриваемом нами указе речь идет об императорских повелениях, посвященных поднятому Чингунажвом бунту, изданных ранее указа, приведенного Галданом, и, возможно, обращенных не только к Джэбдзундамба-хутухте, но и к иным адресатам. Об этих указах в «Эрдэнийн эрихэ» сообщений нет. Очевидно, что изучение этих указов должно опираться на более широкую источниковую базу, чем настоящая работа, и может быть предметом нашего отдельного рассмотрения в дальнейшем.

Издавая приведенный Галданом указ, император Цяньлун, несомненно, преследовал главную цель, которая состояла в том, чтобы побудить Джэбдзундамба-хутухту к участию в принятых имперскими властями мерах по противодействию широкому распространению восстания Чингунжава в халхаских кочевьях. Прежде всего император призывал хутухту к тому, чтобы его «помыслы были направлены против смуты, затеянной хотогойтским князем Чингунжавом и иже с ним состоящими преступниками». Равным образом богдо-гэгэн, по указанию Цяньлуна, «своими помыслами должен способствовать тому, чтобы эта смута пресеклась» (см. таблицу в приложении В, столбец 2, строки 13-17). Ч. Бауден, размышляя о роли Джэбдзундамба-хутухты в рассматриваемых нами событиях, повествовал о том, что императору необходимо было заручиться поддержкой монгольского религиозного лидера, потому что ход восстания во многом зависел от того, какой позиции он будет

³³ В данном случае речь идет о *II Джэбдзундамба-хутухте Дамбийдонмэ* (1724-1757), который был сыном халхаского цинь-вана Дондобдоржа, зятя маньчжурского императора Канси. Он родился от его второй жены – монголки и был последним обладателем этого сана, происходившим из Монголии. Все последующие Джэбдзундамба-хутухты были выходцами из Тибета [Халха Джирум, 1965:103].

придерживаться и какие шаги предпримет [Bawden, 1968:120]. Названный британский исследователь полагал, что император знал об этом, в том числе и потому, что ему давали советы преданные монгольские князья. Бауден приводит письмо помощника старшины Тушэтуханского аймака по военно-административной части цинь-вана Санждоржа, отправленное императору в середине сентября 1756 г.: «Если сейчас Ваши поданные последуют Вашему приказу и вместе со своими войсками отправятся подавлять восстание Чингунжава, это может привести к нежелательным последствиям, а именно к тому, что большинство халха-монголов поддержат Чингунжава, и их охватят волнения. Очень важно не допустить такого неудачного для интересов государства положения дел. Единственный, кому полностью доверяют халха-монголы, это Джэбдзундамба-хутухта, и поэтому самым лучшим шагом было бы выказать ему большое расположение и поручить ему усмирить халха-монголов» [Bawden, 1968:120-121].

О том, что в условиях вспыхнувших в Халхе волнений имперские власти действительно нуждались в лояльности буддийских священнослужителей, а равно и о беспокойстве пекинских сановников возможностью начала массового неповиновения и бегства халхасцев из цинской армии, свидетельствует содержащиеся в указе императора Цяньлуна замечания о том, что некоторые тайджи оказали Чингунжаву поддержку, покинули свою службу и вернулись в родные кочевья (см. таблицу в приложении В, столбец 2, строки 18-23). Ш. Нацагдорж, основываясь на монгольских источниках, приводит по этому поводу следующие сведения: «По приказу Чингунжава свою службу покинули 33 караульных цирика вместе с начальствующими над ними тайджи. Помимо этого, те, кто служил на уртонах, также покинули службу. Некоторые предводители пытались бороться с этими явлениями и арестовывали дезертиров. *Сомонные уртоны* ³⁴ между Ургой и Улясутаем полностью опустели, а также опустели и уртонные станции, находившиеся к западу от 20-

³⁴ *Сомонные уртоны* – вид государственных почтовых станций в Халха-Монголии в период ее пребывания в составе империи Цин. За их деятельность отвечали местные хошуны и сомоны [Atwood, 2004:259].

*ти халхаских уртонов*³⁵. Эти события стали ощутимым ударом для маньчжуров. Маньчжурская администрация приняла меры по поспешному переводу маньчжурских и чахарских войск в те уртоны, которые покинули халхасцы, а также по передаче уртонов вновь прибывшим войскам, для чего из казенных запасов были выделены лошади, верблюды и палатки» [Нацагдорж, 1963:209].

Приведенный Галданом указ императора Цяньлуна, безусловно, интересен еще и тем, что позволяет понять и оценить разнообразие политических, идейных, военных и административных методов, применявшихся цинскими властями для подавления восстания Чингунжава. Помимо угрозы «кнутом» в адрес упорных и бескомпромиссных «бунтовщиков» император сулил и «пряник» тем участникам волнений, кто добровольно прекратит сопротивление и вернется к покинутой им казенной службе. В отмеченном смысле показателен тот фрагмент указа, где Цяньлун сообщает о том, что он «полностью простит и не подвергнет наказанию» тех, кто «в ближайшее время вернется обратно для исполнения караульной и уртонной службы» (см. таблицу в приложении В, столбец 2, строки 28-31). Тех же, кто, «узнав о его указе, не вернутся на границу к исполнению казенных служб», император обещал «вместо помилования, подвергнуть тяжелому наказанию» (см. таблицу в приложении В, столбец 2, строки 32-34). Указ также содержал призыв известить народ о том, что «император изъявил великую милость и освободил от наказания тех, кто бежал со службы в караулах и на уртонах» и требует, чтобы «тех, кто вернется в свои кочевья, направили в те места, где они находились изначально (при несении казенных служб)» (см. таблицу в приложении В, столбец 2, строки 36-44).

Помимо того цинский монарх в рассматриваемом нами указе просил Джэбдзундамба-хутухту о том, чтобы в районы, охваченные волнениями, были отправлены подчиненные ему ламы с поручением всячески способствовать скорейшему возвращению людей, покинувших свои посты, к

³⁵ 20 халхаских уртонов были в подчинении у ведомства Улясутайского цзяньцзюня. Обслуживали почтовый тракт от Улясутая в сторону нынешних Баянхонгорского и Убур-Хангайского аймаков [Содномдагва, 1961:30].

местам несения казенных служб (см. таблицу в приложении В, столбец 2, строки 47-55). Ч. Бауден по этому поводу пишет следующее: «К октябрю 1756 г. Джэбдзундамба-хутухту подкупили маньчжурские агенты. Император Цяньлун поспешил постараться убедить монгольских князей утихомирить своих подданных и вернуть их к исполнению их обязанностей. Лам посылали в халхаские кочевья с той целью, чтобы они проповедовали верность маньчжурам» [Bawden, 1968:121].

К числу мер, принятых цинскими властями для противодействия восстанию Чингунжава, можно отнести созыв сейма халхаской знати, на котором помимо светских князей и родовичей присутствовали такие буддийские иерархи как *Джанджа-хутухта* ³⁶ и Джэбдзундамба-хутухта. Ч. Бауден приводит следующие сведения об этом сейме: «Император созвал съезд, на котором присутствовали представители знатных халхаских родов. Самого императора представлял Джанджа-хутухта, который обычно пребывал в Пекине. Присутствие на съезде такого почетного гостя, *а также назначение Цэнгунжава новым монгольским военачальником* (курсив наш. – А.Т.) ³⁷ произвели столь сильное впечатление на Джэбдзундамба-хутухту и князей, что они были готовы поклясться императору в собственной верности» [Bawden, 1968:121].

Более подробные сведения о съезде изложены в работе монгольского историка Ш. Нацагдоржа: «Осенью 1756 г. в местности, располагающейся в междуречье Орхона и Тамира, маньчжуры созвали халхаских князей на съезд.

³⁶ *Джанджа-хутухты* – линия реинкарнаций буддийских святых. Порядок пребывания Джанджа-хутухт в Пекине был учрежден в конце XVII века. Джанджа-хутухты были единственными хубилганами, постоянно жившими в столице империи Цин (этим отличались от всех других проживающих в Пекине лам и хубилганов). Первым Джанджа-хутухтой был Нгаван-Чойдан, он прибыл в Пекин в 1693 году. Ему был поручен надзор за всеми пекинскими монастырями, а в 1709 году ему был дарован титул Великого государственного наставника (кит. 大国师) [Atwood, 2004:260]. Впоследствии Джанджа-хутухты зачастую (но не всегда) занимали должность главного дзасак-ламы (монг. *tamāy-a bariγsan jasay terigün blam-a*; кит. чжанъинь чжасакэ далама), который возглавлял пекинскую иерархию буддийских священнослужителей. В монгольских документах должность главного дзасак-ламы именуется «главный дзасак-лама, управляющий всеми ламами и банди столицы». Последний Джанджа-хутухта в 1949 году бежал из Пекина на Тайвань, где и скончался в 1957 г. [Успенский, 2011:104,113].

³⁷ В данном случае британский исследователь имел в виду указ императора о назначении халхаского цинь-вана Цэнгунжава на должность улясутайского генерал-губернатора [Содномдагва, 1961:32].

Преследуемые ими цели состояли в том, чтобы отговорить халхаских князей от борьбы против маньчжуров, а также привлечь их к подавлению восстания Чингунжава. Среди тех, кто принял участие в съезде, были представитель императора Джанджа-хутухта, маньчжурские чиновники, некоторые влиятельные князья из Внутренней Монголии, Джэбдзундамба-хутухта, улясутайский генерал-губернатор Цэнгунжав. Последний, прибыв из Улясутая на съезд в сопровождении многочисленных войск, несомненно, пытался запугать противостоявших маньчжурам халхаских князей во главе с Джэбдзундамба-хутухтой и заставить их склониться перед цинскими властями. Увещевания Джанджа-хутухты, войска Цэнгунжава, показательно угрожавшие применением вооруженной силы, давление князей из других монгольских регионов подействовали на халхаских аристократов во главе с Джэбдзундамба-хутухтой. Они отказались от того, чтобы сопротивляться маньчжурскому императору, и договорились с ним о мире. Также на этом съезде халхаских князей побудили дать обещание бороться против Чингунжава» [Нацагдорж, 1963:210-211].

Отметим, что рассмотренный нами указ императора Цяньлуна оказался не единственным из посвященных восстанию Чингунжава «высочайших эдиктов», которые были включены в текст «Эрдэнийн эрихэ». Ее автор Галдан приводит в своем сочинении еще один императорский указ, вновь адресованный Джэбдзундамба-хутухте. Этот второй указ увидел свет уже тогда, когда с восстанием Чингунжава было покончено, и Цяньлун счел необходимым, разобравшись в итогах произошедшего, наградить отличившихся и наказать виновных. Джэбдзундамба-хутухта в представлениях верховных цинских властей, безусловно, заслуживал того, чтобы быть причисленным к первым. Хутухта в указе удостоился «высочайшей похвалы» за то, что он «вразумил многих своими изречениями о том, что не следует верить лжи, прославляющей Чингунжава» (см. таблицу приложения В, столбец 2, строки 60-62), когда «Чингунжав встревожил многих халхасцев пустыми вздорными словами» (см. таблицу приложения В, столбец 2, строки 58-60). В своем указе Цяньлун

упоминает и съезд, на котором Джэбдзундамба-хутухта «собрав вокруг себя ханов, ванов, гунов и тайджи из четырех халхаских аймаков, способствовал их успокоению»³⁸ (см. таблицу в приложении В, столбец 2, строки 62-64). Императорскую похвалу заслужили и ламы за то, что они «способствовали повсеместному установлению мира и спокойствия» (см. таблицу в приложении В, столбец 2, строки 64-69).

Ученые-историки не обошли вниманием обстоятельства, отмеченные в указе Цяньлуна. Комментируя их, Ш. Нацагдорж со ссылкой на материалы рукописного фонда Института истории АН МНР писал: «После съезда маньчжуры стали проводить еще более активную работу по подавлению восстания Чингунжава. От лица Джэбдзундамба-хутухты распространялись агитационные письма с призывом быть верными маньчжурскому императору и подавить восстание Чингунжава, во многих хошунах лам заставляли проводить подобную агитацию. Эти меры смогли остановить дальнейшее распространение восстания» [Нацагдорж, 1963:211].

Отдельного рассмотрения и анализа заслуживает вопрос о том, почему из всех императорских указов, посвященных восстанию Чингунжава, Галдан поместил на страницах своей летописи исключительно те, что были адресованы Джэбдзундамба-хутухте. Вероятно, существовали какие-то причины, по которым монгольского летописца прежде всего заинтересовал тот факт, что в исключительно напряженной военно-политической обстановке, сложившейся в

³⁸ Приведем нашу версию перевода этого фрагмента летописи: «...К тому же Джэбдзундамба-хутухта, собрав вокруг себя ханов, ванов, гунов и тайджи из четырех халхаских аймаков, способствовал их успокоению. Достоинно всяческой похвалы то, что ламы, направившиеся (к своей пастве) из обители святого Джэбдзундамба-хутухты, в создавшихся обстоятельствах, памятуя о счастье для всех живых существ, способствовали (повсеместному) установлению мира и спокойствия» (см. таблицу в приложении В, столбец 2, строки 61-68). В сравнении с нашей версией перевод, выполненный П.Б. Балданжаповым, выглядит иначе: «...-Он (Джэбдзундамба хутухта. – А.Т.), собрав на сейм четырех аймаков ханов, ванов, гунов, *тайджинаров* (? Курсив наш. – А.Т.), всех их успокоил. Джэбдзундамба-хутухта, монах, который покинул свой дом, сделал это для того, чтобы успокоить многие живые существа, что весьма похвально» [Балданжапов, Ванчикова 2012:222]. Мы предполагаем, что в переводе второй фразы П.Б. Балданжапов допустил неточность. Речь в этой фразе идет не о самом хутухте, «покинувшем свой дом», а о подчиненных ему ламах, которые были направлены им в халхаские аймаки и хошуны для «успокоения смуты». Кстати, о фактах направления лам в хошуны сообщают Ч. Бауден и Ш. Нацагдорж (см. стр. 55 и 57 данной работы).

Северной Монголии с началом антицинских выступлений, Цяньлун счел необходимым обратиться за содействием именно к верховному иерарху монгольской буддийской церкви. Вместе с тем, поиск этих причин возможен при условии разностороннего изучения идейных основ творчества Галдана, повествовательных традиций монгольской историографии, на которые он опирался, и принципов официального цинского историописания. Пока что такое изучение остается для нас возможным в будущем. Ныне же поставленный нами вопрос мы вынуждены записать в разряд источниковедческих загадок.

Что касается упомянутых в императорском указе «пустых вздорных слов Чингунжава» (см. таблицу в приложении В, столбец 2, строки 58-60), то в данном случае Цяньлун определенно имел в виду призывы мятежного князя, с которыми тот обращался к халхаскому населению после того, как самовольно оставил службу в цинских войсках. Ш. Нацагдорж по этому поводу приводит следующие сведения, собранные им в материалах рукописного фонда Института истории АН МНР: «После того как Чингунжав покинул свой пост, он призвал всех халха-монголов, находящихся на уртонной и караульной службе, бросить ее, а также разослал халхаским князьям письма, в которых говорилось: «Маньчжурский император, ведя войны с ойратами, причиняет страдания халха-монголам, изнуряя нас, отбирая наш скот. К тому же, несправедливо был убит ван Ринчиндорж (Эринчиндорж. - А.Т.), потомок Чингисхана. Нам следует, сплотившись, объединить силы и бороться с маньчжурами. Если вы, халхаские ханы и ваны, перестанете им повиноваться, я непременно своими военными силами возьму вас под защиту» [Нацагдорж, 1963:209].

Следует заметить, что мы затронули далеко не все сюжетные линии, связанные в «Эрдэнийн эрихэ» с описанием событий, происходивших в Западной и Северной Монголии во время восстаний, поднятых Амурсаной и Чингунжавом. Помимо упомянутых нами сюжетов, Галдан в своей летописи повествовал и о ходе восстаний и о трагической судьбе, постигшей их лидеров после подавления поднятых ими антицинских бунтов. Но системное изучение

всех довольно многочисленных фрагментов «Эрдэнийн эрихэ», где речь идет о восстаниях монголов против цинских властей в середине XVIII в., требует более глубокого и всестороннего историографического и источниковедческого анализа, выходящего за рамки, которые заданы форматом бакалаврского выпускного квалификационного сочинения. Вместе с тем даже то краткое исследование, которое предпринято нами на нынешней стадии работы по изучению сочинения Галдана, позволяет прийти к некоторым предварительным заключениям об особенностях подхода монгольского летописца к описанию антицинских выступлений в Западной Монголии и Халхе и об источниковом значении «Эрдэнийн эрихэ» для изучения этих исторических явлений в академической историографии.

Рассматривая вопрос о значении «Эрдэнийн эрихэ» для формирования источниковой базы академических исторических исследований, мы приходим к выводу о том, что данная летопись, безусловно, является важным собранием разнообразных сведений о событиях монгольской истории, происходивших в середине XIX в. При этом, как нам кажется, фрагменты летописи, рассмотренные нами в данной главе, представляют интерес не только по той причине, что содержат многочисленные документальные свидетельства, связанные с восстанием Амурсаны и Чингунжава. Внимание привлекает также и сама манера повествования и методы изложения исторических событий, к которым прибегал автор «Эрдэнийн эрихэ». Галдан описывал интересовавшие его события преимущественно посредством цитирования указов цинского императора Цяньлуна и почти ничего не писал о них сам от себя. Это может свидетельствовать об определенных правилах, которым монгольский летописец следовал при составлении текста своего сочинения. Галдан принадлежал к числу государственных служащих, часто находился на очередной службе в Улясугае и имел доступ к документам регионального северо-монгольского административного уровня. Тем самым он обладал знаниями, квалификацией и сведениями, позволившими ему создать историческое сочинение, которое, с точки зрения основных подходов к изучению окружающей действительности,

было написано светским «служилым человеком», чиновником. Безусловно, что мировоззрение, через призму которого Галдан рассматривал освещаемые им исторические явления, не могло избежать влияния той социальной среды, частью которой он являлся. В этом контексте нам не кажется, что уделяя наиболее пристальное внимание освещению тех или иных явлений прошлой жизни, Галдан руководствовался случайными или бессистемными предпочтениями. Нет сомнений в том, что в определении исторических событий, заслуживающих наиболее подробного и детального описания, Галдан придерживался логики цинских имперских властей, воплощенной в формулировках императорских указов. Особенно очевидной подобная закономерность становится на примере описанного нами подхода монгольского летописца к освещению восстаний Амурсаны и Чингунжава. Кроме того, императорские указы, с помощью которых автор «Эрдэнийн эрихэ» описывал прошлое, могли быть для него наиболее надежным и безопасным источником, опираясь на который он мог гарантированно оградить себя от возможного недовольства имперских властей.

Тем же закономерностям подчинены и способы, с помощью которых Галдан формулировал характеристики исторических личностей, действовавших в ходе описываемых им событий. Вполне естественно, что Амурсана и Чингунжав в полном соответствии со стилистикой цинских императорских указов заслужили в «Эрдэнийн эрихэ» следующие характеристики: «склонные к измене» (см. таблицу приложения А, столбец 2, строка 4), «бунтовщики» (см. таблицу приложения А, столбец 2, строка 56; таблицу приложения В, столбец 2, строки 3, 84, 85, 124) и «разбойники» (см. таблицу приложения А, столбец 2, строка 56 и таблицу приложения В, столбец 2, строки 100, 115, 132, 141).

Следует заметить, что актуальность всестороннего источниковедческого изучения «Эрдэнийн эрихэ» повышает практически полное отсутствие ссылок на эту летопись в известных нам исторических исследованиях современных авторов, посвященных рассматриваемым нами событиям. При описании интересующих нас событий зарубежные и отечественные историки чаще всего

среди своих источников указывают данные китайских или монгольских архивов и не уделяют внимания исследуемой нами летописи. Мы полагаем, что по этой причине летопись «Эрдэнийн эрихэ» можно отнести к категории пока еще недостаточно изученных источников, и ее анализу, безусловно, необходимо уделить пристальное внимание в будущем.

Глава IV

События, связанные с историей крепости Кобдо, в летописи «Эрдэнийн эрихэ»

В конце XVII – первой половине XVIII в. Джунгарское ханство, населенное преимущественно западными монголами (ойратами), занимало важное место в политической истории Восточной и Центральной Азии. Его правители *Галдан Бошокту-хан*³⁹, *Цэвэн Рабдан*⁴⁰ и *Галдан Цэрэн*⁴¹ внесли существенный вклад в укрепление единства Джунгарии и усиление позиций ханской власти. Во внешнеполитической сфере всех трех упомянутых ойратских ханов отличали стремления к расширению сферы влияния управляемого ими государства. В конце XVII и первой половине XVIII в. Джунгарское ханство активно вмешивалось в политические процессы, происходившие в Северной Монголии, на Кукноре, в Тибете, в казахских степях и в Средней Азии. Подобная политика ойратских ханов шла вразрез со стремлениями верховных властей империи Цин к установлению собственной гегемонии в сфере «мироустроительных» интересов маньчжурской династии, охватывавшей всю Восточную и Центральную Азию. И.Я. Златкин писал по этому поводу, что в первой половине XVIII в. маньчжурская династия Цин не собиралась мириться с возрастающей ролью ойратов и укреплением их государства, намеревалась сокрушить ханство, ставшее очагом беспокойства на западных и северо-западных границах империи и присоединить его к Цинской империи. В период, продолжавшийся с конца XVII до середины XVIII в., происходило множество цинско-ойратских войн [Златкин, 1983:277].

Строительство крепостных укреплений и распашка полей на берегах р. Кобдо, протекавшей в регионе, где территория Джунгарского ханства примыкала к землям северо-монгольских аймаков, были важным эпизодом в

³⁹ *Галдан Бошокту-хан*-правитель Джунгарского ханства. Годы правления 1671-1697.

⁴⁰ *Цэвэн Рабдан*-правитель Джунгарского ханства. Годы правления 1697-1727.

⁴¹ *Галдан Цэрэн*-правитель Джунгарского ханства, старший сын Цэвэн Рабдана. Годы правления 1727-1745.

цепи событий, связанных с противостоянием между империей Цин и ойратским государством. Упоминание о начале хлебопашества в окрестностях Кобдо, относящееся к 1685 г., содержится в рассматриваемой нами монгольской летописи. В ее переводе, выполненном русским ученым А.М. Позднеевым, говорится: «Задумав полное покорение Халхи, Галдан (Галдан Бошокту-хан. – А.Т.) приблизил к себе храбрейших из джунгарских родоправителей: Даньцзилу, Арабтана, Даньцзин-Омбо и Гэлэй гуйэна и в сообществе их обдумывал план нападения на Халху, во исполнение же этого плана сам он еще около 1685-го года перекочевал со своим родом от р. Или на восток, к горам Алтайским, а дурбетам приказал подвинуться еще далее до р. Кобдо и основал здесь колонии, в которых должны они были заниматься хлебопашеством и скотоводством для снабжения провиантом его будущей армии» [Позднеев, 1883:188]».

Для того, чтобы прокомментировать фрагмент из «Эрдэнийн эрихэ», приведенный нами в переводе А.М. Позднеева, обратимся к работе современного монгольского историка Д. Гонгора, который детально изучил интересующие нас события. Монгольский историк полагает, что факты, свидетельствующие о подъеме целины в Кобдо в 1685 г., могут послужить доказательством его гипотезы о том, что именно с этими событиями связано начало истории одноименного города, который существует и поныне и является центром одного из аймаков на западе современной Монголии. Автор повествует: «Возникновение города Кобдо следует рассматривать начиная с того времени, когда Галдан Бошокту-хан, стремясь превратить подвластные ему территории по р. Кобдо в форпост против маньчжур, принял решение о строительстве здесь укреплений и об учреждении пашен» [Гонгор, 1964:17].

Среди источников, к которым обращался монгольский историк, присутствует *«Описание усмирения северо-западных приграничных*

*территорий при императоре Канси»*⁴². Согласно этому китайскому официальному историческому сочинению, после того как в 1690 г. в местности Улаан Будан произошло сражение Галдана с маньчжурскими войсками, джунгарский правитель недолгое время пробыл в Кобдо, после чего ойраты обосновались там и в течение нескольких лет занимались земледелием [Гонгор, 1964:20].

В своих изысканиях, посвященных основанию города Кобдо, Д. Гонгор основывался и на других источниках, в том числе - на агиографическом сочинении под названием *«Лунный свет»*⁴³, представляющем собой жизнеописание ойратского Зая-Пандиты. По словам Д. Гонгора, в этом сочинении говорится: «Галдан Бошогту-хан в год дракона (1688 – А.Т.) в срединный месяц осени столкнулся с войсками *халхаского хана*⁴⁴ на озере Олгой нуур и наголову разбил их. После этого в том же году семнадцатого числа первого зимнего месяца разместился в Кобдоской ставке. В год желтой змеи (1689) уведя из Кобдо войско, в котором был один тумэн и шесть тысяч человек, он отбыл в свои кочевья» [Гонгор, 1964:18].

Рассуждая о возникновении города Кобдо, монгольский исследователь Д. Гонгор обращается и к истории возникновения Урги, которая до того как стать административным центром Северной Монголии представляла собой монастырь и ставку Джэбдзундамба-Хутухты. Автор считает, что в данном случае уместно провести аналогию и рассматривает гипотезу о том, что и город Кобдо произошел из ставки и земледельческого поселения ойратского

⁴² *«Описание усмирения северо-западных приграничных территорий при императоре Канси»* (приведенное Ш. Нацагдоржем монгольское название: Баруун хойт хязгаарыг биеэр дайлж түвшитгэн тогтоосон бодлогын бичиг). Данное сочинение было издано в 1709-1711 гг. на маньчжурском и китайском языках (оригинальное название «Юйчжи циньчжэн пиндин шомо фанлюе»). Этот источник составлялся созданной по указу императора Канси комиссией, в которую входили высшие сановники и придворные историки. Он содержит в себе составленное по хронологическому принципу подробное изложение событий и подборку огромного количества документов, связанных с захватом Цинским государством Северной Монголии и войнами между маньчжурским государством и ойратским ханом Галданом, охватывая период с 1677 по 1699 г [Санчилов, 1986 :196].

⁴³ *Лунный свет* - Биография Зая-Пандиты, написанная в конце XVII в. одним из его ближайших учеников по имени Раднабхадра [Раднабхадра. Лунный свет. История рабдхам Зая-пандиты, 1999:72].

⁴⁴ Речь идет о тушету-хане Чахундорже. Описанные в работе «Лунный свет» военные действия были предприняты во время военного наступления Галдана Бошогту-хана на Халху в 1688 году [Внешняя политика государства Цин в XVII веке, 1977:154].

Галдан-хана. Д. Гонгор полагает, что возникновение города Кобдо следует рассматривать начиная с того времени, когда названный джунгарский правитель, стремясь превратить подвластные ему территории по р. Кобдо в форпост против маньчжур, принял решение о строительстве здесь укреплений и об учреждении пашен [Гонгор, 1964: 17,18].

Следует заметить, что фактологическую канву приведенных нами гипотез Д. Гонгора, касающихся основания города Кобдо, прежде всего составляют сообщения, принадлежащие кисти халхаского летописца Галдана. Это обстоятельство выступает очевидным подтверждением тому, что «Эрдэнийн эрихэ» представляет собой важный элемент источниковой базы академических исторических исследований.

Следующее упоминание о хлебопашестве и градостроительстве в районе Кобдо в рассматриваемой нами летописи относится к 1730 г. В данном случае ее автор впервые обращается к сюжету, связанному со строительством здесь укрепленного цинского военного лагеря: «В восьмом году правления под девизом Юнчжэн (1730 г. – А.Т.), в год белой собаки, когда великая (цинская. – А.Т.) армия с боями водворяла надлежащее устройство на западных границах, на берегу реки Кобдо было найдено подходящее место, где был устроен укрепленный лагерь, в котором были размещены войска. Железные приспособления, необходимое для трамбовки (глинобитных. – А.Т.) стен этого города, доставили из Халхи. Так в 1730 г. было решено основать город Кобдо» [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн и Бямбахорол, 2006:215].

Заметим, что нами процитирован далеко не единственный отрывок текста «Эрдэнийн эрихэ», в котором речь идет об основании Кобдоской крепости. В иных отрывках, которые в отличие от приведенного нами были переведены на русский язык и исследованы А.М. Позднеевым, сообщается о следующих событиях. Прежде всего, названный исследователь, ссылаясь на сочинение

Галдана, повествует о том, что «...*Фурдан* ⁴⁵ решил как необходимость постройку крепости на р. Кобдо, чтобы поселять в ней передовые охранные гарнизоны и иметь провиантные склады для содержания армии» [Позднеев, 1883:334]. Далее, основываясь на «*Эрдэнийн эрихэ*», Позднеев пишет: «Впрочем, как ни торопился Юнчжэн с началом военных приготовлений, *Фурдан* только в четвертой луне 9-го года правления (1731) мог начать сооружение стен Кобдо» [Позднеев, 1883:335]. Описывая дальнейший ход военно-административного обустройства кодбоского региона, цитируемый отечественный автор сообщает: «Так расстановлены были охранные отряды в средней и восточной Халхе; на западной стороне ее и на месте самих военных действий маньчжуры также точно заботились об увеличении сторожевых пунктов и с этой целью кроме кодбоского лагеря основали еще новый боевой стан в Цагансуле: сюда первоначально была передвинута часть кодбоских войск, несколько же времени спустя здесь поселился и новый великий цзяньцзюнь Си-Бао, а в Кобдо, как сообщает о том и наша летопись, оставлены были войска под предводительством «распространяющего величие» цзяньцзюня *Фурдана*» [Позднеев, 1883:340].

Для того, чтобы прокомментировать изложенные Галданом в летописи «*Эрдэнийн эрихэ*» события, связанные с основанием Кобдоской крепости, следует вновь обратиться к работам современных авторов. Проведенный ими анализ текста летописи показал, что Галдан точно не указал дату, которую следует считать началом строительства цинского укрепленного лагеря в Кобдо. Так, монгольский исследователь Д. Гонгор делает предположение о том, что сооружение крепостных стен в Кобдо *Фурдан* начал только в четвертом месяце года белой свиньи на девятый год правления под девизом Юнчжэн (1731). В подтверждение данной точки зрения Д. Гонгор приводит доклад *Фурдана* императору, содержащийся в источнике под названием «*Описание*

⁴⁵ В 1730-х годах цинскому сановнику маньчжуру *Фурдану* принадлежала должность главного наместника в Кобдоской крепости. Помимо того он командовал цинскими войсками в сражениях с джунгарской армией в окрестностях Кобдо в начале 1730-х гг.

Джунгарии»⁴⁶: «Я, всепокорный слуга Вашего величества, по мере сил и возможностей сохранял войско от разгрома и побуждал его сражаться. Когда же *состоящая под моим началом армия в своем отступлении достигла Кобдо*⁴⁷ (курсив наш. – А.Т.), то я был готов принять любое высочайшее наказание. Ныне мною в должном порядке установлены караульные линии и эстафетные почтовые тракты. Командованию вспомогательных халхаских войск мною были даны надлежащие указания по доставке продовольствия и по защите города (Кобдо). Растерявшиеся чиновники ныне приведены в порядок, расстроенные войска восстановлены, торговый люд привлечен к своим обычным делам. Все помянутые выше дела были устроены так, как им и долженствует быть» [Гонгор, 1964:22].

Также монгольский автор Д. Гонгор приводит и другой датированный 1731 г. доклад Фурдана императору Юнчжэну, содержащийся в «Описании Джунгарии». Из него можно почерпнуть сведения о том, каков был облик Кобдоской крепости в начале 1730-х гг.: «Стены Кобдоской крепости были сооружены высотой в пять локтей. За прошедшее время усилиями солдат из состава войск Зеленого знамени от сей требуемой высоты стены были наращены вверх еще на одну сажень. Ныне таким образом высота крепостных стен достигла одной сажени и пяти локтей, что делает их весьма пригодными к обороне. Однако длина крепостных стен в 12 *газаров*⁴⁸ делает их чрезмерно протяженными. В состоящих под моей командой войсках налицо насчитывается 15.900 с лишним человек, чего может быть недостаточно для защиты укрепления, столь внушительного по размерам. Но ежели увеличить

⁴⁶ *Описание Джунгарии* (монгольское название «Зуунгарын бичиг») – данное сочинение было написано и издано в 1772 году на двух языках – маньчжурском и китайском (его оригинальное название – «Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе» - «Высочайше утвержденное описание умиротворения джунгар»). Сочинение состоит из 172 глав и представляет собой подборку документов, посвященных разгрому и уничтожению в 1755-1758 гг. цинскими войсками Джунгарского ханства. Однако хронологические рамки рассматриваемого собрания документов значительно шире, они охватывают период с 1700 по 1767 г. В данном сочинении в хронологической последовательности изложены события из истории джунгаро-цинских отношений. Составлением сочинения занимались историки и высшие сановники цинского двора, являвшиеся свидетелями и участниками описываемых событий [Санчилов, 1986:197].

⁴⁷ Речь идет о событиях конца лета 1731 г., когда цинская армия столкнулась с Джунгарскими войсками в окрестностях Кобдо и потерпела поражение [Чимитдоржиев, 2002:94].

⁴⁸ Мера длины, равная 576 м [БАРМС I, 2001:345]

численность войск, располагающихся по обе стороны от крепости и защитить горные проходы (ведущие к крепости из Джунгарии - А.Т.), то при следующем натиске джунгарских бунтовщиков им будет дан твердый отпор» [Гонгор, 1964:22].

Отечественный автор Ш. Б. Чимитдоржиев в своей работе «Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII-XVIII вв.» также упоминает о том, что в начале 1730-х гг. было невозможно избежать возобновления военных действий между ойратами и маньчжурами, и цинские власти, готовясь к агрессии против Джунгарии, приступили к возведению вдоль восточных рубежей Джунгарии ряда крепостей (Кобдо, Улясутай и др.). Одновременно маньчжурские власти улучшали линию коммуникаций, совершенствовали уртонную и караульную службы, закупали в Халхе лошадей для армии, а также рогатый скот и баранов для того, чтобы кормить цинские войска [Чимитдоржиев, 2002:93].

А.М. Позднеев в работе «Города северной Монголии» также рассматривает интересующие нас события и отмечает, что охранные войска, помещавшиеся в Кобдо, не размещались постоянно в этой крепости, а меняли свое местоположение в зависимости от времени и обстоятельств [Позднеев, 1880:92]. Подтверждение этому факту мы находим и в работе монгольского автора Д. Гонгора, который приводит фрагмент из «Описания Джунгарии», повествующий о переводе войск из Кобдо в местность Цагаан Сууль в 1731 г.: «Мы, всподданнейшие слуги Его императорского величества, собравшись на военный совет, 13-го дня 10-го месяца приказали войску выступить в поход из Кобдо. При сем чиновникам и войскам было по нормам роздано пищевое довольствие. Помимо того все состоящие при войске сановники, чиновники и рядовые были полностью удовлетворены денежным жалованьем, для чего употреблена сумма в 687.300 серебряных лан. При выступлении в поход порох, свинец и пули (из него) войскам не розданы и перевозятся отдельно. В походе войска испытывают неимоверные трудности и лишения, подобные отчаянному положению, когда не остается ничего другого, кроме как есть снег, но со всей

возможной поспешностью продвигаются в направлении на Цагаан Сууль» [Гонгор, 1964:23].

Должность кобдоского наместника (цзяньцзюня), учрежденная одновременно с основанием крепости, стала важным звеном цинской системы управления Северной Монголией. А.М. Позднеев отмечает, что должность цзяньцзюня и появилась в Кобдо впервые еще в 1732 г. При этом вся его деятельность зависела от *великого цзяньцзюня, жившего в Улясутае*⁴⁹, и только с 12-го года правления (1733. – А.Т.) Найралту-туба (императора Юнчжэна. – А.Т.) кобдоскому цзяньцзюню было предоставлено некоторое право самостоятельности в делах обороны, выступления на войну и др. [Позднеев ГСМ:92]. Об этих обстоятельствах повествует и Д. Гонгор: «После перехода охранных войск из Кобдо в Цагаан Сууль в 1731 г., Кобдо продолжал оставаться городом-крепостью. На одиннадцатый год правления под девизом Юнчжэн (1733) в год черной коровы халхаский эфу Цэрэн, состоявший в подчинении у главнокомандующего цинскими войсками (северного направления. – А.Т.) тувшин жун-ван Вувина, был назначен на должность помощника главнокомандующего, ведающего западным направлением, и получил соответствующую этой должности служебную печать. Под его начало были переданы войска, оставшиеся в Кобдоской крепости. В дальнейшем эти обязанности были возложены на дзаскату-хана Гэлэгямпила, которому было предписано постоянно находится в Кобдо» [Гонгор, 1964:23].

Следующее упоминание о Кобдоской крепости в летописи «Эрдэнийн эрихэ» относится к 1762 г.: «В докладе Улясутайского цзяньцзюня от 27-го года правления под девизом Цяньлун (1762. – прим авт.), говорилось: в местности Кобдо была построена крепость, куда на службу был назначен сановник Джаланга. Указанному сановнику пожалована печать, соответствующая его должности *товарища помощника главнокомандующего западным направлением*,

⁴⁹ В *Улясутае* располагалось ведомство (или канцелярия) маньчжурского *цзяньцзюня*, который обладал наибольшей военной и административной властью в структуре маньчжурского аппарата управления Монголией. Это ведомство было основано в 1733 году [Содномдагва, 1961:29].

*водворяющего надлежащее устройство на границах.*⁵⁰ В подчинение ему приданы чины, служащие по военной и по финансовой частям и по ведомству управления монгольскими территориями, а названная выше крепость получила наименование «город Кобдо» [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн и Бямбахорол, 2006:239].

Обратимся к работам современных исследователей, чтобы прокомментировать описанные Галданом события. Монгольский автор Д. Гонгор отмечает, что на заключительном этапе войны, которую Джунгарское ханство вело против маньчжур, крепость Кобдо была сильно разрушена. Помимо этого, сильный ущерб ей нанесло наводнение, сделавшее невозможным дальнейшее ее использование в качестве поселения и превратившее место ее расположения в подобие размытой дороги. По всем этим причинам старая крепость была заброшена, и новая крепость в 1762 г. была основана уже в другом месте, а именно на берегу реки Буянт-гол [Гонгор, 1964:24].

А.М. Позднеев также описывает эти события и приводит текст императорского указа, датированного 27-м годом правления Цяньлуна (1762-А.Т.): «После того как в кобдоской местности построили крепость и поставили там резиденцию сановников, старый город, воздвигнутый на берегах реки Кобдо, в период войн разрушился и подвергся наводнению; посему повелевается воздвигнуть город на восточной стороне реки Баянту, неподалеку от берега, со стенами вышиной в двойную маховую сажень с лишком, толщиной в 400 двойных маховых сажень; в трех сторонах – в восточной, западной и южной – устроить по одним воротам, а по углам дозорные башни. Внутри города построить дом присутственных мест для расследования дел верховными сановниками, дом военного казначейства и дом присутствия для расследования монгольских дел, всего три присутственных места, а также здания для помещения амбана, чиновников, войск и провиантских магазинов;

⁵⁰ Должность товарища помощника главнокомандующего западным направлением, водворяющего надлежащее устройство на границах, по рангу соответствовала должности помощника Улясутайского цзянцзюня.

за сим постановить станции для продолжения трех дорог, а именно: а) от караулов, поставленных на Алтае, б) от *Гученя* (курсив наш. – А.Т.)⁵¹, и в) от крепости Улясутайской. В то же время в Кобдо было назначено пребывания Тусалакчи цзяньцзюня джунгарского (левой, западной стороны), и ему было поручено верховное главенство в решении дел, относящихся до войск, казны и принадлежащих (Кобдоскому округу) монголов». Для более частного расследования этих дел повелевалось вызывать монгольских чиновников по очереди на год, и вновь построенный на р. Баянту город именовать, как и старый, Кобдо. На правой стороне реки Кобдо повелевалось отвести места для казенных пашен, к исполнению же работ на пашнях было вызвано 400 семей Халхаских Монголов, обязанных военной службой и стол солдатских семей Китайцев, принадлежащих к зеленому знамени» [Позднеев, 1880:92].

А.М. Позднеев также повествует о том, что пашни, которые были подготовлены для возделывания, были разделены на 16 участков. При этом основное заведывание полевыми работами возлагалось на «чиновников в чине - дэлэдукчи», а чиновники со званием бошко заведовали «низшими степенями управления». Работающими на пашнях монголами заведовал офицер, «по степени сравненный в службе с полковым командиром (чжалану-цзанги). Все эти чиновниками должны быть находиться в Кобдо, и, кроме этого здесь должны были поочередно пребывать халхаские цзасаки и тайджи, которые занимали должность «*цзахирагчи-цзагиней*» (курсив наш. – А.Т.)⁵², в чьи обязанности входило наблюдение за содержащимися в Кобдо преступниками, беглыми и ворами. С монголов, которые кочевали на землях от Улясутая до Тарбагатая, на удовлетворение нужд казенной службы в Кобдо было собрано 200 лошадей и 1000 верблюдов, а для работы на пашнях из тех же местностей

⁵¹ *Гучень* - город, который располагается у северного подножья Тянь-шаня. Его население и внутренне устройство в конце XIX в. охарактеризованы П.К. Козловым [Козлов, 1963:343]. Описание маршрута из Кобдо до Гучена подробно изложено в 1-м томе работы Г. Н. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии» [Потанин, 1881:123-139]. В настоящее время на территории города располагается уезд Цитай (кит. 奇台县), относящийся к Чанцзи-Хуэйскому автономному округу Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

⁵² *Дзахирагчи дзангин* в халхаской администрации цинского периода – помощник хошунного правителя по военно-административным делам [Содномдагва, 1961: 89].

было собрано 872 быка. Этим скотом заведовал чиновник, носивший титул «*тусалакчи-тушимель*» (курсив наш. – А.Т.)⁵³, а уход за ним поручался приставленным к нему солдатам [Позднеев, 1880:93].

Об интересующих нас событиях, ссылаясь на работу А.М. Позднеева «Города северной Монголии», повествует и другой отечественный автор Г.Е. Грумм-Гржимайло. В своем исследовании «Западная Монголия и Урянхайский край» он писал: «Высочайшим указом 1763 г. было повелено на правом берегу реки Кобдо отвести место для пашен, к исполнению же полевых работ привлечь сто семейств тех китайцев, которые принадлежали к зеленому знамени (бу-ци)» [Грумм-Гржимайло Т.3, 1930:469].

Монгольский исследователь Ц. Содномдагва в работе «Административное устройство Северной Монголии в период правления маньчжурской династии Цин», ссылаясь на «Эрдэнийн эрихэ», повествует об интересующих нас событиях следующим образом: «Для управления и надзора за монголами, населяющими Кобдоский округ (по-монгольски: Ховдын хязгаар. – А.Т.), который был учрежден в восточной части Западной Монголии, было создано ведомство наместника в Кобдо. Хотя Кобдоское наместничество иногда называют «Кобдоской канцелярией» (по-монгольски: Ховдын яам. - А.Т.), но в основном ее наименование совпадает с названием должности возглавлявшего ее сановника. Полностью это название в соответствии с указом маньчжурского императора таково: «Полномочный сановник, коему высочайшим указом поручено управление административными делами в Кобдо» (по-монгольски: зарлигаар зарсан Ховдод сууж хэрэг шийтгэх сайд. – А.Т.). Сокращенный вариант этого названия звучал «Ховдын хуувийн сайд» (Кобдоский наместник. – А.Т.), «Ховдын амбан» (Кобдоский амбань. – А.Т.) или «Ховдын сайд» (Кобдоский сановник. –А.Т.). Наименование «хуувийн сайд» совпадало по смыслу с наименованием должности помощника или советника. Кобдоского

⁵³ *Туслагчи тушимэл или туслагчи тайджи* в административном аппарате, созданном в цинский период в Северной Монголии, – помощник хошунного правителя по делам гражданского управления [Содномдагва, 1961: 96].

наместника называли «хуувийн сайд» или «хэвэй амбань» (амбань, исполняющий должность советника. – А.Т.) по той причине, что первоначально на этого сановника были возложены обязанности, близкие по характеру к функциям помощника Улясутайского цзяньцзюня [Содномдагва: 39]»

Анализ современных исследований на тему истории возникновения кобдоских пашен и крепости свидетельствует о том, что многие отечественные и зарубежные авторы при написании своих работ неоднократно обращались к тексту летописи халхаского историка Галдана «Эрдэнийн эрихэ». По этой причине рассмотренные нами фрагменты подтверждают высокую значимость данной летописи как исторического источника для современной исторической науки. Вместе с тем вполне естественно, что современные авторы в своих работах при изучении интересующих нас событий использовали факты, почерпнутые не только из сочинения Галдана, но и из других исторических источников. В сравнении с ними (особенно с официальными китайскими историческими сочинениями) «Эрдэнийн эрихэ» порой освещает явления монгольской истории XIX в. избирательно и фрагментарно. Данное обстоятельство в случае с описанием событий, рассматриваемых нами в данной главе, определило специфику использования сочинения Галдана в академической историографии в качестве исторического источника. Одним из показательных примеров этом смысле может служить работа Д. Гонгора «Краткая история Кобдо» [Гонгор, 1964]. Выше мы неоднократно упоминали о том, что этот исследователь большую часть исторических фактов и сведений почерпнул не из «Эрдэнийн эрихэ», а из источника под названием «Описание Джунгарии», где в хронологической последовательности приведены тексты многочисленных указов цинских императоров, посвященных интересующим нас событиям. Что касается сведений о кобдоской крепости и пашнях, содержащихся в летописи, принадлежащей кисти Галдана, то они выглядят далеко не столь информативными.

Заключение

Использованные при написании данной работы источники и литература позволили нам прийти к следующим заключениям о значении летописи «Эрдэнийн эрихэ» как источника по истории Монголии XVIII в. и о степени, в которой изучаемая нами летопись использована в академической историографии, посвященной событиям, происходившим в Монголии в XVIII в. Прежде всего необходимо отметить, что подлинник текста интересующего нас сочинения, написанный рукой автора, до сих пор не обнаружен. Поэтому его изучение на протяжении уже более чем столетия строится на основе анализа 15-ти последующих (неоригинальных) списков, хранящихся в Монгольской Национальной библиотеке, Монгольском Государственном Университете, в библиотеке Восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного университета, в библиотеке Института Восточных рукописей Российской Академии Наук, в библиотеке Института бурятских, монгольских, тибетских и буддийских исследований Сибирского отделения РАН в Улан-Удэ.

Несмотря на обширную отечественную и зарубежную литературу, посвященную текстологическому, источниковедческому и историографическому изучению «Эрдэнийн эрихэ», в исследовании этого сочинения до сих пор сохраняется много весьма существенных «белых пятен». Например, в современной науке до сих пор отсутствует полный и академически точный комментированный перевод его монгольского текста на основные европейские языки (и русский язык здесь не является исключением). По этим причинам мы посчитали возможным выполнить собственный перевод ряда фрагментов летописи «Эрдэнийн эрихэ», посвященных событиям истории Монголии XVIII в.

Рассматривая вопрос о значении летописи «Эрдэнийн эрихэ» для формирования источниковедческой базы исследований, посвященных восстаниям, возглавляемым Амурсаной и Чингунжавом, мы приходим к выводу о том, что данная летопись, безусловно, является важным собранием

разнообразных сведений об этих событиях. Фрагменты летописи, рассмотренные нами в третьей главе, представляют интерес не только по той причине, что содержат многочисленные документальные свидетельства, связанные с антицинскими восстаниями в Западной и Северной Монголии в середине XVIII в. Внимание привлекает также сама манера повествования и методы изложения этих событий истории Монголии, к которым прибегал автор «Эрдэнийн эрихэ». Галдан описывал восстания Амурсаны и Чингунжава преимущественно посредством цитирования указов цинского императора Цяньлуна и почти ничего не писал о них от себя.

Нет сомнения в том, что в определении исторических событий, заслуживающих наиболее подробного и детального описания, Галдан придерживался логики имперских властей, воплощенной в формулировках императорских указов. По нашему мнению, это могло быть связано с тем, что Галдан, являясь представителем корпорации государственных служащих, при написании своего сочинения полагал целесообразным придерживаться официальной версии толкования событий. Нельзя обойти вниманием тот факт, что цинские власти, в том числе и в то время, когда жил и составлял свою летопись Галдан, рассматривали восстания Амурсаны и Чингунжава как весьма негативный и заслуживающий порицания исторический прецедент. Из этого следует, что любые, хотя бы даже в трудноуловимых нюансах противоречившие официальной версии описания или толкования столь драматических событий прошлого, будь они допущены Галданом, могли принести последнему неприятности, причем в худшем для него случае весьма и весьма существенные.

В ходе исследования мы выявили, что при описании событий, посвященных восстаниям Амурсаны и Чингунжава, зарубежные и отечественные авторы чаще всего среди своих источников указывают данные китайских или монгольских исторических архивов и не уделяют внимания исследуемой нами летописи. Мы полагаем, что по этой причине летопись «Эрдэнийн эрихэ» можно отнести к категории пока еще недостаточно

изученных источников, и ее анализу, безусловно, необходимо уделить пристальное внимание в будущем. При этом, как нам кажется, почти полное отсутствие ссылок на «Эрдэнийн эрихэ» в исторических исследованиях, посвященных рассматриваемым нами событиям, повышает актуальность всестороннего источниковедческого изучения данной летописи.

Анализ научных исследований, посвященных истории возникновения пашен и крепости в Кобдо показал, что отечественные и зарубежные авторы во второй половине XX и в начале XXI в. при написании своих работ неоднократно обращались к тексту летописи халхаского историка Галдана «Эрдэнийн эрихэ». По этой причине рассмотренные нами фрагменты данной летописи подтверждают ее высокую значимость как исторического источника в исторической науке. Вместе с тем вполне естественно, что современные авторы в своих работах при изучении интересующих нас событий обращались не только к сочинению Галдана, но и к другим историческим источникам. В сравнении с ними (особенно с официальными китайскими историческими сочинениями) летопись «Эрдэнийн эрихэ» освящает события, связанные с постройкой Кобдоской крепости и учреждением в местности Кобдо пашен, более избирательно и фрагментарно. Данное обстоятельство в случае с описанием событий, рассматриваемых нами в четвертой главе, определило специфику использования сочинения Галдана в качестве исторического источника в отечественной и зарубежной академической историографии.

Приложение А

Оригинал текста летописи «Эрдэнийн эрихэ» ⁵⁴	Перевод фрагмента текста летописи «Эрдэнийн эрихэ», посвященного восстанию Амурсаны, с монгольского языка на русский	Номера строк в тексте перевода
Стр.225:Арван есдүгээр он Хойдын Амарсанаа орж ирэв. Хорьдугаар(1755) он Ойрадын Даваач хааныг барив. Тэр хэр дагасан тэргүүлсэн хулгай Амарсанаа хойд замын хязгаар дахиныг тогтоох зүүн этгээдийн туслагч жанжин болон явах бүлгээ. Даваач баригдсаны хойно, Амарсанаа аргадаж Илийн газрыг эзэлсүгэй хэмээсний тулд, хаан түүний зальтыг айлдаад зарлигаар түүний ах Чимгүртэн лугаа хамт бараалхуулан авчрахаар одохуйд умар дахиныг тогтоогч жанжин Банди Нүцгэний цэргийн хүрээнээс Эринчиндоржийг гаргаж харгалзуулан мордуулав. Чимгүр	Стр. 225:На девятнадцатый год правления под девизом Цяньлун к императору явился хойтский Амурсана. На двадцатый год правления под девизом Цяньлун был пойман ойратский Даваци-хан. Склонный к измене Амурсана, который в дальнейшем встал во главе восстания мятежников, был направлен служить <i>помощником главнокомандующего западным направлением, устанавливающим спокойствие на северных границах</i> ⁵⁵ . После того как <i>Даваци-хан</i> ⁵⁶ был схвачен, Амурсана, желая обманным путем занять территорию <i>Или</i> ⁵⁷ , обратился на высочайшее имя с докладом, в котором, проявляя хитрость и лукавство, просил о пожаловании ему ханского титула. В ответ был дан императорский указ, предписывающий	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13

⁵⁴ [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн и Бямбахорол, 2006]

⁵⁵ Вероятно, это джунгарский аналог должности Улясутайского цзяньцзюня в Северной Монголии. В середине XVIII в. на последнюю должность назначались халхаские князья. Возможно, что император Цяньлун и его советники при создании системы управления на территории разгромленного Джунгарского ханства предполагали использовать Амурсану в Джунгарии в том же качестве, что и халхаских князей в Северной Монголии. Помешала этим планам измена Амурсаны. Г.С. Горохова в своей работе «Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII-нач. XX века)» указывает, что наместником в Джунгарию в то время назначили военного чиновника Банди [Горохова:105].

⁵⁶ *Даваци* (?-1759) – правитель Джунгарского ханства с 1753 по 1755 годы. После смерти Галдан-цэрэна участвовал в междоусобной борьбе за обладание джунгарским престолом и в результате, сместив конкурентов, занял его. После этого враждовал с Амурсаной, который также желал встать во главе Джунгарского ханства, и в результате, потерпев поражение, бежал в Халху, откуда обратился за помощью к цинскому императору Цяньлуну.

⁵⁷ *Или* – местность, которая находилась на территории нынешнего Или-Казахского автономного округа (входит в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР).

Амарсанаагийн тэрслүү төлөв мэдэгдсэнийн	Амурсане вместе со старшим братом Чимгуром прибыть	14
мэдээд Эринчиндорж лугаа барьтугай хэмээн	на высочайшую аудиенцию. Для их сопровождения из	15
нарийвчлан дуртгаваас үг эс авав.	войск, подчиненных <i>Банди Нуцгэну</i> ⁵⁸ , командующему	16
Стр. 226:Өрөнгийн газарт хүрсний хойно,	армией, действовавшей против Джунгарского ханства из	17
Амарсанаа хойд замын хязгаар дахиныг	районов Хами и Турфана, был направлен Эринчиндорж,	18
тогтоох зүүн этгээдийн туслагч жанжны	коему поручен был надзор [за Амурсаной и его братом].	19
тамгыг Эринчиндоржид тушааж нутагт буцаж	Чимгур, зная о мятежном характере Амурсаны, предложил	20
ачаа тээшийг засацгаасугай, хэмээн хуурмагаар	Эринчиндорджу вместе схватить его, но Эринчиндордж не	21
хэлэлцэж, Эрчис голоос яаран оргов. Хойд	дал согласия. Стр. 226:После того, как они достигли	22
өдөр Эринчиндорж гүйцвээс гүйцэгдсэнгүй	окрестностей <i>Урунгу</i> , Амурсана отдал Эринчиндорджу	23
үүний урьд хаан урьдаас Амарсанаагийн замын	печать помощника главнокомандующего западным	24
зуур эрхгүй оргохыг айлдаад, Бандид цэргийн	направлением, устанавливающего спокойствие на	25
хүрээний дотор цог алдартай сайдыг гаргаж	северных границах, и при этом сообщил Эринчиндорджу,	26
харгалзан хүргэж ирүүлтүгэй хэмээн	что он направляется в свои кочевья для доставки	27
нарийвчлан зарлиг буулгасан бүлгээ. Банди	необходимой ему поклажи. Таким образом он обманул	28
Эрнчиндоржийг хүн хүнд номхон тушааж	Эринчиндорджа и в спешке покинул местность в	29
болох хэмээн айлтгасанд, хаан	окрестностях Черного Иртыша. На следующий день	30
Эринчиндоржийг ав сав (бага-сага-хөр.)	Эринчиндордж преследовал Амурсану, но не смог его	31
өчүүхэн чадалтай боловч, хэрэгт	догнать. До этого император предупреждал о том, что	32
өнгөрүүлсэнгүй хэмээн Бандид зарлиг	Амурсана по дороге может бежать, и по этой причине он	33
буулгасан бүлгээ. Үүнд хүрч ирээд хэрэг	издал подробный указ о том, чтобы для надзора за	34
эвдэрсний учирт, зарлиг буулгасан нь	Амурсаной из войска <i>Банди</i> ⁵⁹ был выделен какой-нибудь	35
Эринчиндорж хэмээгч засаг чин ван бөгөөд,	прославленный своими заслугами сановник. Тогда Банди	36

⁵⁸ *Банди Нуцгэн* - командующий армией, действовавшей против Джунгарского ханства из районов Северо-Западной Монголии [Моисеев:151]

⁵⁹ Упомянутый выше командующий цинской армией, действовавшей против Джунгарского ханства

хуувийн сайдад явах хүн Амарсанааг харгалзан	доложил императору о том, что Эринчиндордж является	37
хүргэж ирүүлэх хэрэгт тушаав. Чимэгүр урьд	подходящим для этой цели человеком. В ответ император	38
Амарсанаагийн урвах төлөв нэгэнт мэдэгдсэн	указал Банди, что хан Эринчиндорж хотя и не обладает	39
явдлыг түүнд хэлж хурдан барьж яллатугай	особыми способностями, но имеет опыт государственной	40
хэмээн дуртгаваас тэр тун хйхрахгүй дүлд	службы. Когда же выяснилось, что он не выполнил	41
(харин ч – хөр.) Амарсанааг давхар чин ван,	возложенные на него обязанности, был дан императорский	42
түүний биеэ өрөөсөн чин ван зоригоор эзэрхэж	указ, в коем говорилось: «Некто по имен Эриничиндорж,	43
шийтгэвээс үл болох хэмээн шалтаглан	обретающийся в ранге цзасак цинь-вана и приставленный к	44
түлхсээр тэрсэлсэн хулгай олж оргов.	должности помощника главнокомандующего, получил	45
Амарсанаа нэгэнт улс төрийн тэрсэлсэн хулгай	приказ о надзоре за неким Амурсаной и о препровождении	46
болсны тулд бас ямар давхар чин ван хэмээн	упомянутого Амурсаны [в Пекин]. Чимгуру было известно	47
тооцоод хэлэлцэж болох явдал буй. Тэр ч	о мятежном характере Амурсаны, и он знал, что от него	48
байтугай тэрсэлсэн хулгай аймшиггүй тамгыг	можно ожидать предательства, поэтому он поведал об этом	49
тушаагаад цэрэг авч одов. Хойд өдөр сая	и предложил его быстрее схватить. Но ему было сказано в	50
оргосныг сонсоод цэрэг авч нэхэж барихаар	ответ, что Амурсана имеет титул в два раза выше, чем	51
одов хэдийн гүйцэгдэхгүй болжээ. Энэ хэрэг	<i>цинь-ван</i> ⁶⁰ , а у самого Эринчиндорджа был только	52
хэмээгч юун хэрэг. Энэ мэт санаатай саатуулан	обычный титул цинь-вана, и поэтому арестовать его он не	53
хожимдуулсан нь, түүний санааг бас ч асууваас	в праве. Поскольку против ареста Амурсаны были	54
болох уу. Учир ял хянаваас хэрхэвч бээр	выдвинуты подобные [нелепые] доводы, этому	55
хэлтрүүлж үл болмуй. Гагцхүү түүний өвөг ба	бунтовщику и разбойнику удалось бежать. Коль скоро	56
эцгийн язгуураас хичээн зүтгэсэн явдлыг	Амурсана стал государственным преступником и	57
санахын тулд, би басхүү цаазаар аваачихыг	мятежником, то этим проступком он поставил под	58

⁶⁰ Речь, скорее всего, идет о титуле хошой цинь-вана, который был пожалован Амурсане императором Цяньлуном в 1754 г.

түвдэхгүй хишгийг хүртээж өөрийн биеэ	сомнение справедливость того, что он был принят мной за	59
хорлуултугай хэмээжээ. Хулгай	обладателя титула <i>давхар-цинь-вана</i> ⁶¹ . Более того, действуя	60
Амарсанаагийн нам (сэм хуйвалдагсад – хөр.).	как мятежник и преступник, он бестрепетно бросил	61
Хишим Басутай Түнэр Илийн газрыг	должностную печать и покинул вверенное ему войско. И	62
түйвээжээ.	только на следующий день, узнав о его бегстве,	63
	Эринчиндорж собрав войско, выступил в погоню для	64
	поймки беглеца. Однако теперь усилия его были тщетны.	65
	Что же произошло на самом деле? Стоит ли еще раз	66
	задаваться вопросом, о том, что же [Эринчиндорж] думал,	67
	тогда как подобные его помыслы привели к означенному	68
	воспрепятствованию и умедлению [в исполнении	69
	важнейшего государственного дела]? По сим причинам,	70
	определяя степень вины Эринчиндоржа, следует	71
	заключить, что он не должен избежать наказания. Однако	72
	же, памятуя о заслугах и усердии в государственных делах,	73
	явленных его предками, и вместе с тем полагая, что сам он	74
	не должен избежать смертной казни, я милостиво	75
	повелеваю лишить жизни самого Эринчиндоржа [избавив	76
	от наказаний его родственников]». Далее	77
	единомышленники Амурсаны Басутай и Тунэр устроили	78
	смуту в местности Или.	79

⁶¹ Давхар-цинь-ван – титул, который в цинской аристократической иерархии находился на ступень выше титула цинь-вана. Одной из привилегий давхар-цинь-вана являлось назначение ему ежегодного жалования в двойном объеме против размера денежного содержания, полагавшегося «обычному» цинь-вану.

Приложение В

Оригинал текста летописи «Эрдэнийн эрихэ» ⁶²	Перевод фрагмента текста летописи «Эрдэнийн эрихэ», посвященного восстанию Чингунжава, с монгольского языка на русский	Номера строк в тексте перевода
<p>Стр. 227:Хорин нэгдүгээр (1756) он намрын дунд сард Хотгойдын тэрсэлсэн хулгай Чингунжав урвасны учир, зарлигаар Цэнгунжавыг дахиж хязгаар дахиныг тогтоогч зүүн этгээдийн туслагч жанжин болгов. Мөн он найман сарын хорин дөрвөний шөнө Хүрээний газраа бошго Буяри хүргэж ирсэн зарлиг, Живзундамба хутагтад буулгав. Хотгойдын Чингунжав миний хүнд хишгийг тэрсэлж урвасны тул, түүний зүйл зүйлийн тэрслүүгээр явсныг хэдэнтээ зарлиг буулгаж олон халхчуудад нийтээр ухуулан тараасан бүлгээ. Үүнийг санаваас та цөм сонссон мэдсэн буй за. Үүнд та эрхгүй Хотгойдын Чингунжавтаныг хутгаж явсныг занаж бүгдээр түүнийг аргалсугай хэмээн санамуй. Гагцхүү харуул</p>	<p>На двадцать первый год правления под девизом Цяньлун (1756 год) во второй осенний месяц по той причине, что бунтовщик Чингунжав совершил предательство, <i>Цэнгунжав</i>⁶³ был назначен на должность <i>Улясутайского генерал-губернатора</i>. В тот же год в ночь 24-ого числа девятого месяца <i>бошго</i>⁶⁴ Буяри доставил в Хурээ императорский указ, адресованный Джэбдзундамба-хутухте. В указе было сказано: «Поскольку происходящий из племени хотогойтов Чингунжав действовал наперекор моей милости и совершил предательство и неоднократно действовал наперекор (мне), я многократно распространял сведения об этом в своих указах, чтобы уведомить о происходящем халхасцев. Посему помыслы Вашего преосвященства должны быть направлены против смуты, затеянной хотогойтским Чингунжавом и иже с ним состоящими преступниками, и Вы своими помыслами</p>	<p>1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16</p>

⁶² [Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн и Бямбахорол, 2006]

⁶³ В 1730-е-1750-е гг. на должность цзяньцзюня указами маньчжурского императора были последовательно назначены трое князей из Сайннойонханского аймака Халхи – эфу Цэрэн, Цэвдэнжав и Цэнгунжав [Содномдагва, 1961:32].

⁶⁴ *Бошко* - маньчжурское слово. Согласно маньчжурско-русскому словарю Захарова, бошоку – понудитель, нарядчик, урядник, унтер-офицер в войсках [Захаров, 1875:513].

<p> өртөө суулгасан тайж цэргийн дотор зарим нэгэн хүн Хотгойдын ингунжавын дэмий зохиож алдаршуулсан үгэнд төөрөгдөж харуул өртөөг орхиод хойш нутагт очсон буй хэмээмүй. Санаваас эд цөм мунхаг монгол дэмий задруулсан үгэнд орж дагалдаж явсан нь хэрхэвч бээр тэдний санаа буй агаад аймшиггүй орхиж очсон нь буруу. Үүнээс би харин ч дэмий буруушаахгүй. Гагцхүү тэд энэ завсар хэрэв миний ухуулан буулгасан зарлигийг үзэж цөм тус тус харуул өртөөнд хойш очсон болбоос би эднийг цөм уучлан хэлтрүүлж ял хийхгүй. Тэд хэрэв ухуулан буулгасан зарлигийг үзсэн бөгөөд бас зоригор шалтаг зааж уг харуул өртөөнд хойш очихгүй аваас тодорхойлон байцааж гаргасан хойно эрхгүй хүнд ялламуу. Санаваас тэдний аймагт юутай энэ мэтэс буй аж. Хэн зэ харуул өртөөг орхиж ирсэн нь буй аваас та миний энэ зарлигийг хүлээн авсан хойно, танай доорд ардад одоо Богд эзэн ихэд хишиг хүртээж, танай харуул өртөөг орхиж ирсэн ялыг цөм уучлан хэлтрүүлэв. Тус тус хурдан уг харуул өртөөнд очиж суутугай хэмээн нийтээр ухуулан зарлаж хойш ирсэн ардыг цөм уг суусан газарт илгээтүгэй. стр. 228: Бас хутагт хэмээгч Халхын дөрвөн аймгийн бүгдээр </p>	<p> должны способствовать тому, чтобы эта смута пресеклась. Есть сведения о том, что ложные и пустые восхваления деяний Чингунжава, исходившие всего-навсего от нескольких людей, которые были среди тайджи и рядовых, состоявших в караулах и уртонах (на границе), ввели некоторых из них в заблуждение и побудили их покинуть службу и вернуться в родные кочевья. При глубоком размышлении я полагаю, что те, кто поддался на лживые и преступные уговоры невежественных монголов, поступали так вовсе не из внутренних убеждений к тому, чтобы сознательно дезертировать с государственной службы. Поэтому я не стану их осуждать понапрасну. Если каждый из беглецов, узнав о моем указе, в ближайшее время вернется обратно для исполнения караульной и уртонной службы, я их полностью прощу и не подвергну наказанию. Если же я обнаружу, что они, узнав о моем указе, не вернулись на границу к исполнению казенных служб я, вместо помилования, подвергну их тяжкому наказанию. Полагаю, что и в аймаках, где проживают беглецы, никак не может быть иначе. Если у кого-то (из старшин аймаков и правителей хошунов на подведомственных территориях) окажутся люди, каковые бежали с караульной или уртонной службы, то по получении сего указа всему народу, подчиненному (аймачным старшинам и хошунным правителям) следует объявить, что император ныне явил великую милость и освободил от наказания тех, кто бежал </p>	<p> 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 </p>
--	--	---

тахисан их лам чи зүй нь чиний итгэвээс болох	со службы в караулах и на уртонах и что всем беглецам	43
шавь нарын дотроос хэдийг гаргаж Балдарын	надлежит немедленно вернуться к прежним местам службы.	44
зэрэг тхээхэн ардад илгээж тэднй тус тус уг	После этого всех (незаконно) вернувшихся в родные	45
тушаасан албанд очиж хэрэг шийтгэх байтугай.	кочевья следует направить в те места, где они находились	46
Задруулсан үгэнд орж дэмий хөдөлгөвөөс	изначально (при несении казенных служб). стр.228: Но	47
болохгүй хэмээн заан сургатугай. Тусгайлан	также и ты носящий сан хутухты великий лама, пред кем	48
буулгав хэмээжээ.	преклоняются все халхаские аймаки, вели направить	49
	нескольких заслуживающих доверия людей подобных	50
	Балдару из числа состоящих под твоим началом	51
	<i>шабинаров</i> ⁶⁵ (в районы, охваченные волнениями), дабы	52
	указанные шабинары помогли с тем, чтобы тамошние люди	53
	отправились к первоначально назначенным им местам	54
	несения казенных служб», - так говорилось в специально	55
	изданном императорском указе. В тот же год восьмого	56
	числа двенадцатого месяца был выпущен императорский	57
	указ, в котором говорилось: «Прежде, когда Чингунжав	58
	встревожил многих халхасцев пустыми вздорными	59
	словами, Джэбдзундамба-хутухта вразумил многих своими	60
	изречениями о том, что не следует верить лжи,	61
	прославляющей Чингунжава. К тому же он, собрав вокруг	62
	себя ханов, ванов, гунов и тайджи из четырех халхаских	63
	аймаков, способствовал их успокоению. Достоин	64
	всяческой похвалы то, что ламы, направившиеся (к своей	65

⁶⁵ *Шабинары* в данном контексте - ламы, которые числились учениками и последователями Джэбдзундамба-хутухты.

<p>Мөн он арван хоёр сарын шинийн найманд зарлиг буулгасан нь урьд хулгай Чингунжав дэмий цуу үг зохиож олон халхчуудыг борхируулж цурхиралдуулах тухайд Живзундамба хутагт даруй хулгай Чингунжавын алдаршуулсан цуу үгийг итгэж болохгүй хэмээн олонд ухуулан зарласан бөгөөд, дөрвөн аймгийн хан, ван, гүн тайж нарыг цуглуулж чуулган нийлж олныг тохинуулан суулгажээ. Живзундамба хутагт хэмээгч гэрээс гарсан лам энэ хэргийн учир, олон амьтныг жаргуулахыг бодож тохинуулан шийтгэсэн нь, маш сайшаалтай. Хутагтад зүй нь дотно хишиг хүртээвээс зохиохын тулд эдүгээ би Живзундамба хутагтад одоо бүхий Шашныг мандуулах цолоос бас Амьтныг жаргуулагч</p>	<p>пастве) из обители святого Джэбдзундамба-хутухты, в создавшихся обстоятельствах, памятуя о счастье для всех живых существ, способствовали (повсеместному) установлению мира и спокойствия. Поскольку Джэбдзундамба-хутухта достоин проявления монаршей милости, то я в дополнение к его прежнему титулу «возвышающий религию» дарую ему почетное звание «доставляющий блаженство всем живым существам». Помимо этого мной направляется специальный чиновник с поручением поднести в награду хутухте шелка из императорских хранилищ и прочие предметы. Направляю сей указ (Улясутайскому) цзяньцзюню Цэнгунджаву, дабы тот огласил его хутухте». В тот же двадцать первый год правления (под девизом Цяньлун) Джэбдзундамба-хутухту высочайшим указом, изданным по представлению Лифаньюань, наградили повозкой красно-желтого цвета. (В тот же год) <i>дзасак цзюнь-вана</i>⁶⁶ Чиваг-Яримпила повысили, даровав ему титул хошой цинь-ван. В том же году был схвачен злостный бунтовщик Чингунжав. <i>Бэйлэ</i>⁶⁷ из его аймака Цэвдэнжав помог в поимке бунтовщика. Посему на основании императорского указа подчиненные Чингунжаву люди были у него конфискованы и пожалованы частью Цэнгунжаву и частью его младшему брату цзюнь-вану</p>	<p>66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88</p>
--	---	---

⁶⁶ *Дзасак цзюнь-ван* – владетельный князь второй степени.

⁶⁷ *Бэйлэ* - владетельный князь третьей степени.

хэмээх цол нэмэн өгч дотоод сангаас зүйл бүрийн торгоны зэрэг юмыг хиа гаргаж шагнахаар илгээмүй. Үүнийг жанжин Цэнгүнжав нарт захиж хутагтад мэдээ өгтүгэй хэмээв.	Цэвдэнжаву. стр.229:По докладу Цэнгунжава, в числе конфискованных и распределенных были Большой Хотгойтский отог, Малый Хотгойтский отог, Мянгатский отог, Халиучин отог, отог Тогос, отог Шижинууд. Было и одиннадцать Уриянхайских отогов. Императорская канцелярия разослала копии высочайшего указа, данного на двадцать первый год правления под девизом Цяньлун (1756 год) двадцать пятого числа последнего зимнего месяца. Указ гласил: От улясутайского цзяньцзюня цинь- вана Цэнгунжава поступил (на высочайшее имя) доклад, в коем сказано: «Хэбэй-амбань» ⁶⁸ Намжил получил приказ возглавить войско и преследовать жестокого разбойника хотойтского Чингунжава. 25 дня среднего месяца зимы войско достигло местности Жаянгас, лежащей в казахских землях вблизи русской границы, где Чингунжав был изловлен и пленен. Ныне направляю чиновников и солдат для доставки (пленника) в Пекин». То, что цинь-ван Цэнгунжав в соответствии с моим приказом выступил в поход, был честным и быстро справился с решением важнейших государственных задач, заслуживает похвалы. Проявляя милость по отношению к цинь-вану Цэнгунжаву в поощрение его честного служения, повелеваю наградить его поясом с пряжкой и одну из его дочерей пожаловать	89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100 101 102 103 104 105 106 107 108 109 110 111
Мөн хорин нэгдүгээр он Журганаас айлтгаад зарлигаар Живзундамба хутагтад улбар шар тэрэг шагнажээ. Засаг жүн ван Чиваг- Яримпилийг дэвшүүлж хошой чин ван өргөмжилжээ. Мөн он тэрсэлсэн хулгайч Хотгойдын Чингүнжав баригдсаны учир, түүний аймаг бэйл Цэвдэнжав тэрслүүд тусалсан учирт, даруй тэдний харьяат ардыг хийсгэж Цэнгүнжав жич түүний дүү жүн ван Цэвдэнжавт хуваан өг хэмээн зарлигаар тушаав. стр. 229:Цэнгүнжавын айлтгасны дотор		

⁶⁸ Маньчжурское слово амбань или «высший чиновник» неофициально использовалось для императорских наместников во Внутренней Азии (включая Монголию). В 1754 году должность цинского наместника в Кобдо была переименована в «хэбэй амбань».

Хотгойдын харьяат газарт их Хотгойд, бага Хотгойд, Мянгад, Халиучин, Тоос, Шижинүүд зэргийн зургаан отог буй амуй. Урианхайн арван зургаан отог буй, хэмээсэн зүйл буй ажгуу. Дотоод яамнаас хуулж гаргасан Тэнгэрийн тэтгэсний хорин нэгдүгээр (1756) он өвлийн сүүл сарын арван таванд зарлиг буулгасан нь, хязгаар дахиныг тогтоогч зүүн этгээдийн туслагч жанжин чин ван Цэнгүнжавтаны газраас хэбэй амбан Намжил цэрэг авч тэрс хулгайч Хотгойдын Чингүнжавыг нэхэж очоод өвлийн дунд сарын хорин найманд Оросын хязгаар хасаг Жаянгасын газар хүрээд, Чингүнжавыг барьж олмуй. Эдүгээ түшмэл цэрэг гаргаж Бээжинд хүргэж ирэх явдлыг айлтгажээ. Чин ван Цэнгүнжав нар миний зарлигаар дайлан орж үнэхүү санаанаар зүтгэн явж хурдан гүн хэрэг бүтээсэн нь ихэд сайшаалтай. Чин ван Цэнгүнжавт хишиг хүртүүлэн онистой бүс шагнаж бүслүүлэн, түүний хүүхдийн дотор нэгийг сицзы	рангом сицзы. Хэбэй-амбань Намжил во главе войска отправился в погоню за ним. Получив известия о слабости его войска Намжил повел решительное наступление, не дал разбойнику возможности отступить и захватил его в плен, чем выказал должное усердие. Следует выразить благоволение по отношению к Намжилу и пожаловать ему ранг бэйлэ первой степени, который будет передаваться по наследству. Сведения обо всех причастных к сему делу амбаниях, чиновниках, монгольских, ванах, гунах и тайджи подать в <i>надлежащую вышестоящую инстанцию</i> ⁶⁹ для назначения им высоких наград и поощрений. Повелеваю установить имена чиновников и рядовых, участвовавших в преследовании бунтовщиков, а также имена людей, собиравших сведения (о бунтовщиках), представить сведения обо всех поименованных в Палату для назначения каждому из них наград сообразно выказанным заслугам». На двадцать первый год правления под девизом Цяньлун двадцать девятого числа последнего зимнего месяца был издан указ: «Цзяньцзюнь Цэнгунжав представил на высочайшее имя доклад, в коем сказано: «Аратов из шести <i>отогов</i> ⁷⁰ , (прежде) подведомственных разбойнику	112 113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130 131 132
--	--	---

⁶⁹По нашему мнению, с учетом административной подведомственности, упомянутыми Галданом вышестоящими инстанциями могли являться или Лифаньюань или Военная палата (Бин бу) или оба этих административных органа одновременно.

⁷⁰ *Отог*-социальная и хозяйственная единица, основанная на территориальном единстве. В военном отношении монгольский отог составлял хошун [Скрынникова:98]

<p> өргөмжилж шударга хичээнгүйг хөхиүлтүгэй. Хэбэй амбан Намжил цэрэг авч нэхэн орохуйд тэрс хулгайч мохсон явдлыг сонсон даруй магад яарч ороод, хулгайчийг босгон явуулсангүй даруй дарж барьсан нь, ихэд шалгамайлан зүтгэжээ. Намжилыг хишиг хүртүүлэн тэргүүн зэрэг бэ өргөмжлөөд, үе халж тасралгүй залгамжлагтун. Хэрэгт тушаасан амбас түшмэд, жич Монгол ван, гүн, тайж нарыг цөм Журганд тушааж хэтэрхий ялган хэлэлцтүгэй. Дагаж орсон түшмэд цэрэг мэдээ мэдүүлсэн хүнийг цөм тодорхойлон байцааж Жургандмэдүүлж ялгаж салгаж хөхүүлэн шагнаругай хэмээв. </p>	<p> Чингунжаву, следует передать в подведомство князьям <i>Ванбуудоржу, Доржцэрэну</i>⁷¹ и <i>Дашпунцагу</i>, наградив каждого двумя отогами. При сем Ванбуудоржу подчинить два полных <i>сомона</i>⁷², составленных из переданных ему людей, а Доржцэрэну – один. стр.230: Дашпунцагу подчинить один полный сомон и назначить последнего хошунным правителем над переданными им людьми». </p> <p> Прежде, издавая указ о пожаловании людей, состоявших под управлением разбойника Чингунжава, в распоряжение цзяньцзюня Цэнгунжава и вана Цэвдэнжава, я полагал необходимым явить милость поименованным цзяньцзюню и вану, а равно и их старшим и младшим братьям, кои все вместе заслуживают поощрения за проявленное ими истинное усердие в государственных делах. Ныне однако же весьма похвальным является то обстоятельство, что цзяньцзюнь Цэнгунжав, в ожидании моих милостей и в заботах о пользе дел государственных представил мне доклад, в котором просил пожаловать прежде подчиненных Чингунжаву людей Ванбуудорджу, Дорджцэдэну, Дашпунцагу, оставив упомянутых людей неразделенными </p>	<p> 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151 152 </p>
<p>Тэнгэрийн тэтгэсний хорин нэгдүгээр (1756) он</p>		

⁷¹ *Ванбуудорж* и *Доржцэсэдэн* были в числе тех хойтских и урянхайских князей, кого цинские власти, начав бороться с Чингунжавом, привлекали на свою сторону [Нацагдорж:212]

⁷² *Сомоны* впервые были образованы в Монголии при династии Цин как военно-административные единицы, состоявшие из 150 семейств. Каждое из этих семейств при воинской мобилизации или при разверстке государственных повинностей было обязано отрядить по одной военно или трудообязанной «податной душе мужеского пола». Сомон делился на три части, каждая по 50 человек, при этом они постоянно сменяли друг друга во время несения повинностей: одна выполняла службу, а две другие были запасными. Из сомонов состояли хошуны (или знамена). В настоящее время сомон – это базовая административно-территориальная единица в Монголии [Atwood:523].

өвлийн сүүл сарын хорин еснөө зарлиг	друг от друга, также, как не подлежат разделению кости и	153
буулгасан нь, жанжин Цэнгүнжав нарын газраас	мясо. Повелеваю поступить в соответствии с	154
хулгай Чингунжавын зургаан отгийн ардыг	предложениями, изложенными в упомянутом докладе, и	155
Ванбуудорж, Доржцэдэн, Дашпунцагт хошоод	людей (прежде) подчиненных Чингунжаву, пожаловать в	156
отог шагнаж олгуулж Ванбуудоржийг хоёр	подведомство Ванбуудорджу, Дорджцэдэну, Дашпунцагу,	157
гүйцэд сум, Доржцэдэнг нэгэн гүйцэд сум	образовав из тех людей сомоны. Дашпунцага при этом	158
болгоё. стр. 230:Дашпунцагийг нэгэн гүйцэд	произвести в ранг управляющего хошуном тайджи (цзасак-	159
сум, болгож засаг тавьж захируулья хэмээн	тайджи).	160
айтгажээ. Урьд би хулгайч Чингүнжавын доорд		161
ардыг цөм жанжин Цэнгүнжав, ван Цэвдэнжавд		162
шагнаж олгуултугай хэмээн зарлиг буулгасан		163
нь, чухам би жанжин Цэнгүнжав, ван		164
Цэвжэнжав тэдний ах дүү үнэхээр зүтгэж явсан		165
учир би маш сайшаан санаж хишиг хүртүүлье		166
хэмээх санаа. Эдүгээ жанжин Цэнгүнжав миний		167
хишгийг хүсч, хэрэгт тус болохыг бодож,		168
Чингунжавын доорд ардыг яс махаас салгахгүй		169
болгон Ванбуудорж, Доржцэдэн, Дашпунцагт		170
шагнах ажааму хэмээн айлтгасан нь нэн		171
сайшаалтай. Чингүнжавын доорд ардыг		172
Ванбуудорж, Доржцэдэн, Дашпунцагт шагнаж		173
өгөх сум зохиох, Дашпунцагийг засаг тавьж		174
захируулах явдлыг цөм жанжин Цэнгүнжавын		175
айлтгасан ёсоор болготугай.		176

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Ардаажав, 1999 – Эрдэнийн эрих. Галдан зохиов. Ардаажав тайлбарлав. Хөх хот, 1999.
2. Ардаажав, 2012. Erdeni-yin erike. γaldan jokiaba. Ardajab tayilburilaba. Kūkehota, 2012.
3. Балданжапов, Ванчикова 2012 – Галдан. История, именуемая «Эрдэнийн эрихэ»/ Ред. С. Чулуун, С. Солмон. Исследование и комментированный перевод на русский язык П. Б. Балданжапова, Ц. П. Ванчиковой. Улан-Батор, Улан-Удэ, 2012.
4. Гэрэлбадрах, Бүдсүрэн, Бямбахорол, 2006 – Галдан. Эрдэнийн эрих хэмээх түүх болой. Монгол бичгээс хөрвүүлж, эхүүдийг харьцуулан тулгаж, оршил бичин, тайлбар хийсэн доктор Ж. Гэрэлбадрах, Д. Бүдсүрэн, П. Бямбахорол. УБ., 2006.
5. Насанбалжир, 1960 – Galdan. Erdeni-yin erike. Monumenta Historica, Т. III. Fas. I, Шинжлэх Ухаан, Дээд Боловсролын Хүрээлэнгийн Эрдэм Шинжилгээний Хэвлэл, Улаанбаатар, 1960.
6. Позднеев, 1883 – Позднеев, 1883. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 г. по 1736 г., СПб, 1883.
7. Халха Джирум, 1965 – Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в. Сводный текст и перевод Ц. Жамцарано; подготовка текста к изданию, редакция, введение, примечания С. Д. Дылыкова М., 1965.

Литература на русском языке

8. Балданжапов, 1956 – Балданжапов П. Б. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ» как исторический источник. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1956.
9. Балданжапов, 2012 – Балданжапов П. Б. Опыт источниковедческого и историографического исследования // Галдан. История, именуемая «Эрдэнийн эрихэ». Улан-Батор, Улан-Удэ, 2012. С. 41- 140.
10. БАРМС I , 2001 – Большой академический монголо-русский словарь - Т 1.: А-Г / Отв. ред. Г.Ц Пюрбеев.– М.: Academia, 2001.
11. Бартольд, 1911 – Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и в России. СПб, 1911.
12. Березин, 1858 – Березин И. Н. Сборник летописей. История монголов, сочинение Рашид-ад-Дина. Ч. 1. СПб, 1858.
13. Бира, 1978 – Бира Ш. Монгольская историография (XIII-XVII вв.). М., 1978

14. Бичурин, 1828 – Бичурин И. Я. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. С приложением карты Монголии и разных костюмов. Т. 1-2. СПб, 1828.
15. Бурдуков, 1969 – Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. Воспоминания, письма. М., 1969.
16. Веселовский, 1884 – Веселовский Н. И. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ» // Журнал Министерства народного просвещения. – Ч. ССХХШ. – СПб, 1884.
17. Владимирцов, 1934 – Владимицов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л., 1934.
18. Горохова, 1980 – Горохова Г. С. Очерк по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII – начало XX в.) М., 1980.
19. Григорьев, 1834 – Григорьев В. В. Хондемир. История монголов от древнейших времен до Тамерлана. СПб, 1834.
20. Грумм-Гржимайло, 1914-1930 – Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский Край. Л., 1930
21. Демин, 1994 – Демин Э. В. Амурсана // Байкал, № 2 март-апрель. Улан-Удэ, 1994.
22. Доронин, 1988 – Доронин Б. Г. Китай XVII-XVIII веков. Проблемы историографии и источниковедения. Л., 1988.
23. Захаров, 1875 – Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб, 1875.
24. Златкин, 1958 – Златкин И. Я. Русские архивные материалы об Амурсане // Филология и история монгольских народов. М., 1958.
25. Златкин, 1983 – Златкин И. Я. История Джунгарского ханства 1635-1758. М., 1983.
26. Козлов, 1963 – Козлов П. К. Русский путешественник в Центральной Азии. Избранные труды к столетию со дня рождения (1863-1963). М., 1963.
27. Моисеев, 1998 – Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерк внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998
28. Павлов, 1940 – Павлов Н. В. Путешественник и географ Петр Кузьмич Козлов (1863-1935). М., 1940
29. Позднеев, 1882 № 5, 6 – Позднеев А. М. О монгольской исторической литературе по памятникам, хранящимся в СПб. университете // Восточное обозрение, 1882. – № 5, 6.
30. Потанин, 1881 – Потанин П. К. Очерки Северо-Западной Монголии. Т. I. СПб, 1881.
31. Пучковский, 1957 – Пучковский Л. С. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. М.-Л., 1957.
32. Сазыкин, 1988 – Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института Востоковедения АН СССР. Т. 1. М., 1988.

33. Санчиров, 1986 – Санчиров В. П. Об источниках «Илэтхэл шастир» // MONGOLICA. М., 1986.
34. Санчиров, 1990 – Санчиров В. П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М., 1990.

Литература на английском языке

35. Atwood, 2004 – Atwood Cristopher P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire: Facts on File. New York, 2004.
36. Bawden, 1968 – Bawden C. R. The modern history of Mongolia. London and New York, 1989.
37. Fletcher, 1962-1963 – Fletcher J. F. A source of the Erdeni-yin Erike. // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1962-1963, pp. 229-233.
38. Kaplonski, 1993 – Kaplonski C. Collective memory and Cingunjav's rebellion. // History and Antropology. 1993, vol/. 6, #2-3, pp. 235-259.
39. Tsyrempilov, 2006 – Annotated catalogue of the collection of Mongolian manuscripts and xylographs MI of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences. Compiled by Nikolay Tsyrempilov. Edited by Tsyremzhit Vanchikova. Sendai, Japan, 2004.
40. Uspensky, 1999 – Uspensky Vladimir L. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo, 1999.

Литература на монгольском языке

41. Гонгор, 1964 – Гонгор Д. Ховдын хураангуй түүх (Краткая история Кобдо). Улаанбаатар, 1964.
42. Ишжамц, 1962 – Ишжамц Н. Монголын ард түмний 1755-1758 оны тусгаар тогтнолын зэвсэгт тэмцэл (Амарсанаа, Чингунжав нарын бослого) (Вооруженная борьба за независимость монгольского народа 1755-1758 годов. Восстание Амурсаны и Чингунжава). Уланбаатар, 1962.
43. Насанбалжир, 1963 – Насанбалжир Ц. Манж Чин үеийн Ар Монголоос нийлүүлж байсан алба (1691-1911) (Государственные повинности в Северной Монголии в период правления маньчжурской династии Цин). Улаанбаатар, 1963.
44. Нацагдорж, 1963 – Нацагдорж Ш. Халхын түүх (История Халхи). Уланбаатар, 1963.
45. Пэрлээ, 1958 – Пэрлээ Х. Монголын хувьсгалын өмнөх үеийн түүх бичлээгийн асуудалд (К вопросу о дореволюционной монгольской историографии). Улаанбаатар, 1958
46. Содномдагва, 1961 – Манжийн захирганд байсан үеийн Ар Монголын засаг захирганы зохион байгуулалт 1691 – 1911 (Государственное и

- административное устройство Северной Монголии в период маньчжурского господства 1691-1911 гг.). Улаанбаатар, 1961.
47. Хироки, 1999 – Хироки О. Чин улсын үеийн халхын он дараалын бичиг «Эрдэнийн эрих» - ийн тухай зарим асуудал (Некоторые вопросы, касающиеся халхаской летописи Цинского периода «Эрдэнийн эрихэ») // Түүхийн судлал. *Studia Historica. Instituti Historiae Academiae Saeintarium Mongoli*. Т. XXXI. Fasc. 1-16. Улаанбаатар, 1999.
48. Чимэд, 1963 – Чимэд. Чингунжаваар удирдуулсан Ар Монгол дахь тусгар тогтнолын тэмцэл (Борьба за независимость в Северной Монголии под руководством Чингунжава). Уланбаатаар, 1963.
49. Шархүү, 1984 – Шархүү Ц. Дөрвөн аймгийн засаг ноёдын товч шастир (Краткий свод родословных списков князей – правителей хошунов четырех аймаков Халхи) // *Mongoru Kenkü*. Vol. 7. Osaka, 1984.